

ЛУННЫЙ ТАРТ

и

два повода для
ГОЛОВНОЙ БОЛИ

Полли Ива

"Лунный тарт" и два повода для головной боли

<https://litres.ru/74238702>

Аннотация

Открыть пекарню в двадцать один — это мечта. Выжить в ней — настоящее искусство.

Я — кухонная ведьма, и мой дар прост: я вкладываю намерение в каждое свое блюдо. Но кажется, в этот раз я переборщила со специями. Теперь на моей кухне слишком тесно:

Один — серьезный бизнесмен, мой сосед, который смотрит на мою лавочку как на выгодный актив, а на меня — как на самую желанную загадку.

Другой — дерзкий курьер, который приносит не только заказы, но и ветер перемен, заставляя моё сердце биться вне всякого графика.

Но уютный мир трещит по швам. Зловредная клиентка заваливает меня проверками и доносами, явно намереваясь стереть «Лунный тарт» с лица города. А тут еще пропала моя лучшая подруга, и следы ведут на туманное побережье...

Мне придется выйти из зоны комфорта, отправиться в роуд-стори на край света и решить: кому из двоих мужчин я

могу доверить свою спину, когда над моей пекарней заплещет настоящее пламя?

В тексте вас ждут:

✓ Уютная атмосфера пекарни и магия в каждой крошке;
✓ Любовный треугольник: надежность против авантюризма; ✓
Противостояние с вредной антагонисткой (доносы, инспекции и настоящий пожар!); ✓
Поиски и тайны: небольшое путешествие к морю; ✓
Хэппи-энд, выпеченный с любовью!

Содержание

Глава 1. Наколдуй мне любовь	5
Глава 2. Лимонный тарт	9
Глава 3. Неожиданный гость	16
Глава 4. Лазанья и разговоры по душам	20
Глава 5. Хьюстон, у нас проблемы	24
Глава 6. Сбежавший документ	29
Глава 7. Скейт и клубничный кекс	34
Глава 8. Хороший мальчик	42
Глава 9. Неудавшийся поцелуй	49
Глава 10. Мой мистер Хаос	53
Глава 11. Ягодный террин	59
Глава 12. Эспрессо по-соседски	64
Глава 13. Зефир и кофе	70
Глава 14. Маленькая лазутчица	76
Глава 15. Пушистая артиллерия	82
Глава 16. Шпион и помидоры	87
Глава 17. Шоколад с фисташками	93
Глава 18. Неслучившееся прикосновение	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Глава 1. Наколдуй мне любовь

— Мелисса, а он точно меня полюбит?

Я оборачиваюсь, едва сдерживаясь от того, чтобы не закатить глаза. Опять. Она снова об этом спрашивает. Пальцы продолжают вымешивать тесто на пирог, напитанный моей магией, когда я отвечаю:

— Нет, если в его сердце кто-то другой, если ты ему совсем-совсем не нравишься, то он тебя не полюбит.

— Но твой пирог! В объявлении было сказано...

И я все-таки закатываю глаза, пока девушка напротив возмущенно хмурит брови. Нет, зря я послушала советы Дебби и дала объявление в “Голос Айронвуда” — местную газетенку с новостями, сплетнями и рецептами на последних страницах. Надо было и дальше привносить немного волшебства в жизни соседских тетюшек и тех, кого ко мне привело сарафанное радио.

— Скайлер, — я откладываю тесто в сторону и, вымыв руки под проточной прохладной водой, начинаю натирать сыр для начинки. — Я не привораживаю людей, не ломаю их жизни и волю. Я могу помочь лишь тебе.

Пауза.

Скайлер смотрит на меня с недовольством, но ее губы уже начинают кривиться в плаксивой гримасе. Поправляю съе-

хавшую на лоб косынку, под которой прячу волосы во время готовки, и говорю уже мягче:

— Если ты хочешь этого.

— Но Алекс... Я же люблю его!

Прикрываю глаза от усталости. Сколько еще объяснять этой дурынде, что нельзя стать счастливым за счет счастья другого? Нельзя посадить человека на привязь и надеяться, что он будет тявкать от удовольствия. Нельзя... Боги, от нахлынувшей злости магия в пальцах истончается. И я точно знаю, что все приготовления были напрасны.

— Послушай.

Опираюсь локтями на стол, пачкая их в муке. Белая пыль поднимается в воздух и старается заползти в нос, но я старательно удерживаюсь от чиха.

— Мои десерты и выпечка и правда волшебные. Но они не могут изменить жизнь другого человека — только твою. Я вложу в пирог всю магию, что есть во мне сейчас. Всю, до капли. И тогда ты встретишь того, с кем действительно будешь счастлива. Может, это будет Алекс. Может — кто-то другой. Тот, кто станет встречать тебя с зонтом в дождь после трудного рабочего дня. Тот, кто будет греть твои замерзшие ступни в своих горячих ладонях. Тот, кто навсегда запомнит, что у тебя аллергия на арахис.

— Откуда ты...

— Не важно.

Обхожу стол и сажусь напротив, внимательно глядя в гла-

за этой новой и трудной заказчице.

— Может, ты встретишь его по пути в офис. Может — в пекарне за углом. А может оказаться, что он всю жизнь живет по соседству и, когда ты проходишь мимо, не может отвести от тебя взгляда. Просто ты до сих пор этого не замечала. А тут вдруг заметишь. И влюбишься. В его восторженный взгляд. В его заботу. В его надежность. И не нужен тебе станет Алекс.

Молчу, давая ей время подумать. Круглые настенные часы медленно тикают, отсчитывая секунды. Пахнет сыром и дрожжевым тестом. И свежей зеленью на моем подоконнике: чеснок, дикий лук, петрушка, укроп, еще не покрасневшие помидорки и только-только появившиеся огурчики с перцем... Моя однокомнатная квартира — сплошной зеленый огород из овощей, трав и микрозелени. Так мне легче добавлять в свои блюда щепотку волшебства, ведь я знаю, сколько труда и любви вложено в каждую выросшую травинку.

— Мелисса Уитмор, да ты просто очередная шарлатанка! Скайлер подскакивает с места, возмущенно всплеснув руками, и ее длинные платиновые волосы с едва слышным свистом разрезают воздух. Моя маленькая кухонька наполняется серебристым звоном браслетов, что усеивают запястья Скайлер, ее шумным дыханием и гулким стуком высокомерного сердца, которое привыкло брать, не спрашивая. И я чувствую, как сгущается темнота в углу, как скукоживается

базилик на полке, как начинает шуметь в трубах вода.

— Вот увидишь, уже сегодня в “Пульсе” появится самый честный отзыв о тебе! И уже никакие газетные объявления не помогут!

И, испепелив меня напоследок холодным взглядом, Скайлер стремительно выпархивает за дверь, оставляя после себя лишь запах дорогих духов, недоделанный пирог, который теперь только и годится что в мусорку, да головную боль.

Глава 2. Лимонный тарт

Обессиленно падаю на кровать, наплевав на грязную кухню. Потолок над головой светится мягким светом, проникающим сквозь переплетенные стебли аспарагуса, что растет под самым потолком. Немало времени и труда потребовалось, чтобы его тонкие веточки сплелись в тончайшее кружево, превращая спальню в уютную пещеру. Здесь тихо. И дышится легче. И я успокаиваюсь, откинувшись на мягкую подушку и закрыв глаза. И никакая Скайлер с ее угрозами не может помешать мне в этом.

Скайлер не может. Но может Дебби.

Дебора Коллинз — одна из двух моих подруг. Бейби фейс, голубые глаза, блондинистые волосы с розовыми прядями и привычка пропускать встречи и созвоны, о которых договаривались заранее — вот кто такая Дебби. Беру смартфон и смахиваю в сторону пульсирующий фиолетовым значок “Пульса” — самой популярной соцсети во всем штате.

Из трубки сразу доносится взволнованный щебет:

— Мэл, что это за грязная сплетня о тебе вирусится в Пульсе? Я, как только увидела, сразу попросила Патрика пробить, кто ее пульсанул. Кто такая эта Скай?

— А кто такой Патрик?

Мне уже даже не было интересно, что написала обо мне

зловредная клиентка, которая, видимо, привыкла получать все, что захочет. Но Патрик... Парни у Дебби менялись слишком часто для того, чтобы я успевала запоминать их имена.

— Ооо... — с придыханием простонала та в трубку, и я почти воочию увидела, как она закатывает глаза и закусывает нижнюю губу острыми зубками. — Рик только позавчера приехал в Оушен Тирс. Сильные руки, шесть кубиков пресса и глаза цвета штормового океана.

Дебби глупо хихикнула.

— А я звала тебя к себе. Сидишь там в своем хмуром Айронвуде, пока по побережью гордо вышагивают мускулистые красавчики. Детка, да здесь рай для молодой незамужней девушки!

Я улыбнулась уголком губ, слушая восторженные возгласы Дебби, и порадовалась, что она забыла, зачем звонила.

— Я бы с ним с утра до ночи гуляла, если бы не противный мистер Паттерсон. Говорит, что если хоть раз пропущу работу, то из помощника тренера по дайвингу превращусь в обычную официантку!

— А ты не хочешь быть официанткой? — я снова прикрыла глаза, растекаясь телом по мягкому пледу.

— Нет. Мне нравится плавать среди коралловых рифов и притворяться русалкой. Кстати, Мэл, вот ты ведьма. Значит, ведьмы существуют. Так, может, и русалки тоже?

— Дебби, это ты живешь на побережье, а не я. Мне-то

откуда знать? Не видела ни одной.

— Нудная ты. Вот вообще ни капли не удивляюсь, что вы так дружны с Шэннон. Той тоже вечно лишь бы понудеть!

— А тебе не пора любоваться на кубики Рика? Может, ты хочешь ощупать их на предмет натуральности? Вдруг они — всего лишь иллюзия опытной ведьмочки?

— Я их уже щупала, — снова короткий смешок, — натуральные. Но ты права, мне еще волосы уложить надо и найти блески для тела. Рик ведет меня на вечеринку.

— Беги, детка, — передразниваю я ее. — И задай жару этому горячему красавчику!

Дебби отключается, а я еще несколько долгих минут смотрю на значок Пульса на экране смартфона. Надо ли мне знать, что обо мне написала Скайлер?

Не сдержавшись, открываю приложение.

И почти сразу мне в глаза бросается пост, разлетевшийся по сети:

[PULSE] • 5 минут назад • В тренде

Пользователь: @Skyler_PureGold

«Карма головного мозга, или как принципы заменяют таланты

Девочки, я в шоке! ## Сходила тут к одной «кухонной ведьме».

Прихожу, а там... Кухня размером с мой гардероб, пахнет чесноком и сырой землей, словно к бабке на ферму съездила. Пыталась строить из себя святошу: «Ой, я привороты не

делаю, это портит карму».

Алло, дорогая Мэл, какую карму? Тебе просто не хватило мозгов смеять два ингредиента! ## Смешно смотреть, как люди прикрывают свою бездарность «высокими принципами», когда у них нет денег ни на нормальный маникюр, ни на личную жизнь. Мэл, а ты сама-то знаешь, что такое любовь?

Короче, если хотите послушать лекции о морали в однушке — вам к ней. А если нужен результат, а не сказки про «светлую энергию» — проходите мимо этой пародии на магию.»

**#КармаВОднушке #ПриворотНеУдался #СкайГоворит»
Комментарии(892) | Пульс (5) | 2.5k просмотров**

Искренне улыбаюсь, не понимая, отчего так переполошилась Дебби. В этом посте даже имени моего полного нет. Мало ли в городе девчонок с именем Мэл?

На кухне в последний раз звякнули столовые приборы: кухня успокоилась. Теперь можно было возвращаться, чтобы прибраться за собой.

Аккуратно выхожу из комнаты, все еще ощущая тяжелый запах дорогих духов, от которых начинает свербить в носу. Морщусь и, встав на цыпочки, открываю нараспашку окна. Свежий ветер, пахнувший скорой грозой, проносится по кухне, смахивая со столешницы муку. Белая пыль взмывает

в воздух, переливаясь с лучах заходящего солнца, а я опускаюсь на стул, внезапно погрузнев.

Знаю ли я, что такое любовь?

Пальцы находят серебряное колечко, что висит на шее. Мамино. Вот та единственная любовь, что мне довелось узнать. И даже теперь, когда мамы нет на этой земле, я все еще чувствую тепло ее ладоней на своих плечах. Я верила маме, всегда верила. А мама говорила: “Лисси, не переживай, твое тебя всегда найдет. В жизни всегда есть место для настоящей любви. Главное, ее не упустить”.

— И зачем ждать, если можно просто испечь пироженку? — задумчиво говорю вслух, пока ветер, расшалившись, мелодично отбивает ритм металлическими поварешками, лопатками и венчиками, что висят над плитой.

Взгляд пробегается по моим зеленым малышам: лимонное дерево, мандариновое, мята, Melissa, имбирь, который только-только вырос до нужного состояния.

— Лимонный тарт? Немного имбиря в начинку для остроты, мяту для украшения. Чтобы и любовь истинная моя была яркая, но не обжигающая, дерзкая, но свежая... Такая, чтобы жить хотелось взахлеб!

Достаю из холодильника сливочное масло для крема, чтобы оно нагрелось до комнатной температуры. И, чтобы не терять зря время, прикрываю окно и быстро навожу на кухне порядок. Тяжелый запах Скайлер уже выветрился, и я делаю

вдох полной грудью, прикрыв глаза от наслаждения. Пальцы снова машинально касаются колечка на шее. Маленькое, гладкое снаружи и шершавое от надписи внутри. “Ты свет” — вот что выгравировано на нем. И каждую букву подушечки пальцев помнят наизусть. Мама, совсем скоро я узнаю, правда ли любовь — это попытка любыми способами заполучить желаемое.

На дальней полке кухонного шкафчика, что пахнет нагретым деревом, давно ждет своего часа мой главный ингредиент — миниатюрный пузырек из-под экстракта ванили с несколькими капельками лунной росы. Серебристые слезы луноцвета словно перемигиваются друг с другом всякий раз, как солнечный свет касается стекла. Замираю задумчиво: неужели правда готова потратить с таким трудом собранный ингредиент ради возможности встретить истинную любовь?

Сомнения скребутся в груди, но я их отбрасываю, одним решительным движением вынимая пробку. Кухню заполняет аромат, который невозможно описать — только почувствовать: смесь кислой горчинки, свежести и пьянящего звездного неба над головой в момент, когда с высокой скалы бросаешься в бушующее море, и ливень хлещет по плечам. Свободой. Полуночная роса луноцвета пахнет свободой.

Мука, сливочное холодное масло, сахарная пудра пудра и щепотка соли, капля росы. Пока руки привычными движениями замешивают тесто, губы беззвучно шевелятся, повторяя слова заклинания, что придумывается на ходу.

К пыли пыль, к росе — росинка. К сердцу — сердце. Тишина.

По ладони заструится тонкой линией судьба.

Тесто отправляется в холодильник на час. И я подхожу к цветочному горшку, в котором растет лимонное дерево. Пять желтых солнышек, которые я вырастила с таким трудом. Поиск истинной любви требует от меня попрощаться с тем, на что я положила кучу усилий. Сначала роса, теперь вот лимоны...

Еще раз застываю в раздумьях, что противно копошатся за пазухой. Мне двадцать один. И все это время я спокойно жила без любви и парня. Даже кубики пресса, как Дебби, мне ни разу трогать не приходилось. Так, может...

“Мэл, а ты сама-то знаешь, что такое любовь?” — так некстати всплывают в голове слова Скайлер.

И три лимона один за одним срываются с ветки и аккуратно ложатся в мои ладони.

Глава 3. Неожиданный гость

Косые струи размеренно бьют в окно и стекают извилистыми линиями по стеклу. Я пытаюсь отследить дорогу одной из капель, когда раздается звонок в дверь.

— Открывайте! Доставка! — слышится из-за двери хрипловато-насмешливый мужской голос, и я вскакиваю с подоконника раньше, чем успеваю подумать.

Я уже знаю, кого увижу по ту сторону порога.

Красная кепка и красная толстовка с узорным листочком на ней — обычная форма работника “Зеленого ковчега”. Курьер, который привез кокосовый субстрат, агровату и новые саженцы. Совсем забыла, что доставку перенесли.

— Здравствуйте, — начинаю говорить еще до того, как распахиваю дверь, но слова застревают в горле.

Голубые глаза молодого парня за моей дверью сияют, как морское стекло, припорошенное снегом. Губы его растянуты в широкой и слегка кривой улыбке, а с каштановых волос с бордовыми прядками с тихим стуком падает на пол вода.

Опускаю глаза на лужу под ним и еле заметно вздрагиваю.

Внезапный порыв ветра из раскрытого подъездного окна швыряет в лицо холодные капли, поднимает волосы на затылке и заставляет судорожно вздохнуть.

— Доставка! — курьер протягивает мне прочно упакованную коробку и листок на подпись. И я вижу, как кожа его

покрывается мурашками от очередного порыва ветра.

Заношу коробку в квартиру, открываю и пробегаюсь взглядом по содержимому: кокосовый субстрат, агровата, семена мелиссы, мяты, базилика, горошка и руколы, несколько поддонов... Но глаза раз за разом возвращаются к крепкой фигуре на пороге.

— Как вас...

— Хью, мэ, — он отвешивает шутливый поклон, терпеливо ожидая, пока я поставлю на листе чернильную закрючку.

— У вас...

Застываю в нерешительности. Неприлично и неловко звать незнакомого парня в свой дом, но мне почти физически больно смотреть на насквозь промокшую одежду Хью. И, откашлявшись, я все-таки продолжаю:

— У вас на сегодня есть еще заказы?

Он лукаво подмигивает и отвечает вопросом на вопрос:

— А вам есть, что мне предложить?

— Черничный пирог, чашку горячего чая и возможность согреться, пока сохнет одежда, — пожимаю плечами, стараюсь не выдать своего напряжения. Пальцы то и дело стремятся к колечку на шее, но я одергиваю себя, продолжая пристально смотреть на неожиданного гостя.

Хью как-то совсем по-детски закусывает нижнюю губу, и я вспыхиваю от смущения, потому что понимаю — я успела заметить и оценить и четкую линию контура, и пухлость этих

губ, которые вообще не должна замечать.

Вдруг приходит в голову мысль о вчерашнем вечере. Вспоминаю, как кончики пальцев покалывало от струящейся из них энергии. Золотистой настолько же, что и цвет песочного теста, вынутого из духовки. Как я налила блестящий крем из лимонного сока и тертого имбиря в основу и, убрав тарт до утра в холодильник, как подкошенная упала в кровать. И как утром съела все до последней крошки, мечтая об идеальном парне. Неужели магия уже успела сработать?

— Только будьте осторожнее, мэ. Я очень люблю черничные пироги и... красивых рыжих ведьмочек, — вдруг дурашливо говорит он, прикладывая указательный палец к губам и заставляя меня снова зализать их, потеряв дар речи. А потом, словно водный поток, просто просачивается в квартиру, огибая меня по дуге. Дыхание перехватывает от запаха дождя и лимонада, и я застываю, как дура, с ручкой и листком в руке, чувствуя, как лимонадные пузырьки лопаются где-то в районе сердца.

Дверь не успевает захлопнуться, когда Хью уже по-хозяйски стряхивает капли дождя на коврик в моей прихожей.

— Где я могу раздеться?

— Дверь справа.

И, когда он скрывается в ванне, наконец-то оставляю на бумаге росчерк.

Когда-то белые, но потрепанные жизнью и непогодой

кресовки сиротливо стоят в углу в натекшей с них луже. Я убираю грязь тряпкой и вставляю в кресовки вкладыши для сушки, прислушиваясь к звукам, что доносятся из ванной комнаты. Но не слышу ничего, кроме тихого журчания воды.

— И с чего мне вдруг вздумалось звать его к себе, — бурчу под нос, пока руки ставят на плиту чайник и продолжают раскладывать по тарелкам еще горячий черничный пирог.

— Потому что у вас добрая душа?

От хриплого голоса за спиной мурашки бегут по коже, и я резко разворачиваюсь. Хью стоит на пороге кухни в одном полотенце, обмотанном вокруг бедер. С влажных волос по телу стекает вода, и я провожаю капельки взглядом, думая лишь об одном. Откуда он взял чистое полотенце, если я ему его не предлагала.

— Нравится?

Глава 4. Лазанья и разговоры по душам

— Вам шарик мороженого на пирог положить?

Спрашиваю, старательно делая вид, что обнаженные незнакомцы разгуливают по моей квартире каждое утро.

Разве этот наглый пройдоха может быть моим идеальным парнем?

Хью вдруг перехватывает у меня из рук чайник и, подмигнув, разливает по чашкам травяной чай.

— Садитесь, мэ, я поухаживаю за вами.

— А ты.. Вы... — путаюсь в словах, все ещё в шоке от происходящего. — Одеться не хотите?

Он окидывает себя задумчивым взглядом, и улыбка снова растягивает губы до ямочек на щеках.

— Расслабьтесь, мэ. Вам ведь нравится. Я отсюда слышу, как часто и громко бьется ваше сердце.

— У меня проблемы с сердцем. С недавнего времени, — бормочу себе под нос, стараясь не опускать взгляд ниже его подбородка. Удастся плохо. — Пора сходить к кардиологу...

От чашки к потолку поднимается причудливыми узорами горячий пар, и я смотрю на него очень внимательно. Слышу, как с тихим скрежетом отодвигается стул, как дождь без остановки продолжает лупить по стеклу, как с еле заметным

шлепком холодный шарик мороженого оказывается на пышущем жаром пироге.

— Посмотрите на меня, мэм, — сильные пальцы касаются подбородка, приподнимая его.

Внутри меня разрушительной волной поднимается то ли возмущение, то ли смущение. Я первый раз оказалась в такой ситуации, и ни мое тело, ни мой разум не знают, как реагировать.

— Разве я выгляжу опасным?

— Разве тебе не холодно? — это все, что я могу ответить.

Поварешки и венчики снова начинают звенеть над плитой, выдавая мое состояние. Базилик распрямляется, возмущенно потрясая листочками. И даже пар над кружкой, кажется, складывается в какое-то не совсем приличное слово.

— О, мы уже перешли на ты? А мне нравится, как это звучит.

Он мягко улыбается и наконец-то отпускает мой подбородок. Я облегченно выдыхаю, снова опуская взгляд в кружку.

— Прости. Мои вещи в сушилке, а мне стало скучно сидеть в ванной, — вдруг говорит он абсолютно нормальным голосом, в котором ни капли сексуальной хрипотцы и намек на что-то большее, чем простые дружеские посиделки.

— А вот это... что это было?

Я не могу подобрать слов и все еще боюсь оторвать взгляд от чайнок, что курсируют в кружке от одного борта к друго-

му.

— Прости, — повторяет он. — Черт дернул. Иногда со мной такое случается. Мир?

И я краем глаза замечаю протянутую ладонь.

— А что мне за это будет? — спрашиваю, сама от себя не ожидая этого. Правильно говорят: с кем поведешься...

Спрашиваю, и следом вскидываю голову, не давая себе и шанса на отступление.

Морожено давно растаяло и липкими ручейками стекает по пирогу, окрашиваясь в черничный цвет. Глаза напротив лениво щурятся. Ливень утихает, и мне кажется, что тому виной наше с Хью “перемирие”.

— Рецепт фирменной маминой лазаньи. Она о-о-очень вкусно готовит. Поверь, мэм, тебе понравится.

Я задумчиво наклоняю голову на бок. Лазанья, говоришь?

— Хью, а ты долго будешь звать меня “мэм”?

— Желаешь познакомиться? Хьюстон Лэджер, леди.

Он привстает из-за стола, отчего мой взгляд снова соскальзывает туда, куда не следует, прикладывает руку к обнаженной груди и слегка кланяется.

— Но лучше зови меня Хью.

— Мелисса.

Сама не понимаю, отчего губы растягивает улыбка, но я улыбаюсь. И магия, что спала во мне со вчерашнего вечера,

снова начинает покалывать кончики пальцев.

— Мэл, ты чувствуешь это? — вдруг спрашивает он, хватая мое запястье и притягивая руку к своему пульсу.

— Что?

— Как сильно стучит рядом с тобой мое сердце.

— Наверно, тебе тоже пора к кардиологу, — отвечаю, старательно сдерживая смех.

— Пойдем вместе? Говорят, для семейных пар скидка.

— С тебя рецепт, Хью. И иди уже оденься.

Глава 5. Хьюстон, у нас проблемы

Лежа под одеялом, улыбаюсь так, что начинают болеть щеки. Свет от экрана смартфона бьет в глаза, заставляя щуриться. А пальцы продолжают набирать букву за буквой, слово за словом.

Мэл: Хьюстон, у нас проблемы.

Хью: Не называй меня так, мэм. Или я буду звать тебя “мэм”.

Мэл: Хью, уже второй час ночи.

Хью: Красивая луна, правда?

Мэл: ХЬЮ!!!

Он просидел у меня почти до полуночи. И вещи, и кроссовки давно высохли, но Хью отчего-то не торопился обратно. Да и меня в какой-то момент перестало напрягать его присутствие. Сначала мы дожевали тот самый многострадальный черничный пирог, потом он вызвался вымыть посуду, и я радостно уступила. Каким бы красавчиком не был этот наглый курьер — в коридоре меня ожидала коробка с заказом, которая манила больше всяких голубых глаз.

Я достала небольшие контейнеры, проложила их агроватой, смоченной в чистой воде, и принялась аккуратно, ровными рядочками всыпать семена микрорелени. Горох лег

ровно с первого раза, а вот мелкие семечки рукколы и джусая прилипали к влажным пальцам и все никак не хотели от них отлипнуть.

— Помочь? — спросил вдруг Хью, подходя сзади и опираясь руками об спинку дивана по двум сторонам от меня.

В нос снова ударил его свежесделанный лимонадный запах, и я, кажется, даже почувствовала, как пузырьки газировки щекочут горло.

— Нет-нет, я уже закончила.

Нервно схватив с журнального столика пульверизатор, торопливо опрыскала семена сверху и, накрыв контейнеры пленкой, убрала в шкафчик, где хранился пузырек с остатками слез луноцвета. Там было достаточно тепло и влажно для того, чтобы семена смогли прорасти.

— С меня пицца завтра. Ты любишь пиццу?

Я вздрогнула, когда ощутила, как близко Хью подошел ко мне. Волосы на затылке зашевелились от его выдоха, и я стремительно покраснела. Рыжие вообще краснеют быстро и легко. А я — еще и пятнами.

— Люблю. С курицей и ананасами.

Короткий смешок поднял волосы на макушке и спустился мурашками по загривку. Я передернула плечами, чувствуя, как становится холодно без этого горячего дыхания на моей шее.

— Ну вот, Мэл, совсем тормоза отказали. Права была Дебби — тебе срочно нужен океан, много солнца и красавчики с

кубиками пресса вместо кубиков льда”.

Запинаясь так, словно под ногами не давно знакомый ровный пол, а поле с рытвинами и ямами, вернулась на диван. Базилик запах острее, реагируя на мои эмоции.

— Извращение...

Хью одним движением ловко перемахнул через спинку дивана, рухнув рядом со мной. Диван отпружинил, и мое уставшее тело бросило влево.

— Но я накормлю тебя ананасами, мэм, — закончил он, когда моя щека встретилась с его уже одетым торсом. В груди шевельнулось что-то похожее на сожаление.

— Прости.

Я дернулась, стараясь выровнять положение, но сильные руки крепко прижали к телу, а мурлыкающий голос произнес на ушко:

— Ничего страшного. Мне нравится. Можешь продолжать.

Еле как удалось вытолкать его за дверь, и вот теперь я лежала под зеленым куполом аспарагуса и глупо улыбалась, выпрашивая тот самый рецепт лазаньи.

Хью: Завтра. Обещаю, что завтра поделюсь этим восхитительным рецептом, пока мы будем поесть не менее восхитительную пищу.

Хью: А теперь спи, спасительница мокрых курьеров. До утра осталось совсем немного.

Мэл: Мне кажется, я уже вижу, как просыпается солн-

це...

Хью: А ты засыпай. А то приду проконтролировать этот процесс лично. Обещаю, тебе понравится.

Я снова покраснела, откинула телефон от себя подальше и поспешно закрыла глаза, словно Хью мог увидеть, что я еще не сплю, и правда примчаться снова в мою маленькую квартирку, чтобы навести в ней хаос.

Будильник зазвонил в пять. Глаза слезились от солнечного света, что бил в глаза сквозь неплотно закрытые шторы. По вискам словно стучали молоточками кухонные эльфы, которых, а я это точно знала, на моей кухне не водилось. В ушах звенело от смартфона, который никак не давался в руки, мешая выключить будильник. Но губы все растягивала улыбка, с которой я, кажется, и уснула. Абсолютно несмываемая.

Будильник, устав надрываться, замолк.

Я, закутавшись в большой махровый халат, заварила огромную кружку зеленого чая и вышла на лоджию. Свежесть и прохлада после ночного ливня и грозы приятно холодили кожу, заставляя ежиться. Запах ночного дождя смешался с терпким ароматом чая и мятой. И я жадно втянула носом, наслаждаясь каждым мгновением пробуждения мира. Я любила такие утра. Каждое утро любила. Смотреть, как медленно поднимается из-за крыш домов солнце, целую розоватым отсветом покатые черепицы. Как меркнут на небе звезды до следующей ночи. Как спешат на работу люди. Как

внизу, за углом, открывается булочная, и запах свежей выпечки разносится по всему кварталу. Я любила встречать день и здороваться с солнцем. Но такие утра, как это — когда от неосторожного движения ветерок проникает под одежду, игриво проходится по коже, заставляя открыться миру — любому, такие утра я любила особенно сильно.

Я облокотилась на раму, поднося кружку ко рту. Взгляд соскользнул на соседнюю лоджию. Сосед. Он тоже каждое утро проводил на лоджии. Но если моя вся была заставлена горшками и кадками с зеленью, поддонами с помидорами и огурцами, домашней клубникой... То на его ютились всего лишь журнальный столик и кресло. Каждое утро сосед выходил на лоджию, кивал мне в знак приветствия и садился за стол, перебирая с серьезным видом какие-то бумаги, пока мой нос щекотал аромат крепкого горького кофе, перебивающий даже запах зеленого чая с мелиссой. Вот и сейчас он сдержанно кивнул, поставил чашку с кофе на столик и сел в кресло, задумчиво уставившись на документы.

Я сделала еще глоток, чувствуя, как обжигающее тепло прокатывается по горлу, согревая даже там, куда успел добраться ветер-озорник. Вдохнула полной грудью. Открыла боковые окна и вернулась в квартиру. Мне захотелось испечь что-нибудь для Хью.

Глава 6. Сбежавший документ

Я казалась себе бабочкой, порхающей по кухне, словно над цветочным полем. Магия на пальцах переливалась блестками, работа спорилась. Даже мука аккуратно опустилась в чашу, не покрыв все кухонные поверхности белым слоем.

Клубника для крема уже давно была собрана, вымыта и теперь грелась в медном сотейнике на плите под слоем сахара. Стоило вдохнуть поглубже, и во рту начинал ощущаться сладкий вкус ягоды с легкой кислинкой. Я собиралась печь клубничные кексы.

*Щепотку ванили,
Чтоб чувства искрили,
Добавлю в клубничный кекс.*

*Быть может, права
Старушениця Дебби,
И мне нужен классный секс.
Всего лишь обычный секс.*

Слова глупой песенки складывались сами собой, без моего на то желания. Но мне, привыкшей жить скромно, чест-

но, пра-виль-но... Это нравилось. Слово Хью одним своим присутствием в моей жизни открыл маленькую дверь в мир свободы, желаний и безрассудства. И эта дверца все никак не желала закрываться.

Звонок в дверь я услышала не сразу. Лишь недовольный перезвон поварешек и венчиков подсказал, что лишние звуки мешают в магической готовке. А я магичила. Снова. И в этот раз — создавала хорошее настроение.

Убрав с лица выпавшую из-под косынки прядь, открыла входную дверь. И замерла, недоуменно глядя на пришедшего.

Как всегда строгий и серьезный, он стоял с такой прямой спиной, словно проглотил палку. Глаза, со слегка опущенными вниз кончиками, придавали ему грустный вид.

— З-здравствуйте...

Я растерянно уставилась на него, задрав голову. Как так случилось, что наши два мира, что никогда не пересекались, вдруг пересеклись? Взгляд мой скользил сверху вниз — от зачесанных назад русых волос к тонкому носу с легкой горбинкой. От ямочки между ключицами, что виднелась в разрезе ослепительно белой рубашки — к закатанным рукавам и дорогим часам на запястье. И с каждой секундой терпкий кофейный запах все глубже проникал мне под кожу, заставляя голову кружиться от сильного аромата.

— Я Джонатан, ваш сосед.

Он как-то неловко провел ладонью по волосам, и узкие губы сложились в добродушную улыбку. От нее карие глаза словно ожили, заискрились солнечными зайчиками, а от их уголков в стороны побежали лучики. Я не могла не ответить на эту улыбку и уже спокойнее спросила:

— Я Мелисса. Приятно познакомиться. Чем могу вам помочь?

— Понимаете, Мелисса...

Он нервно засунул руки в карманы брюк и продолжил, больше не глядя мне в глаза:

— Ветер. Вы открыли окно, и ветер занес мой документ к вам на лоджию. А там важный финансовый отчет. У меня сегодня встреча с инвесторами, и он мне очень нужен. Не могли бы вы...

— Подождите минуту, пожалуйста, — перебила я его и, оставив дверь приоткрытой, зашла на лоджию.

Там, запутавшись между молодыми побегами огурчиков, которые только-только пошли в рост, застряло несколько листов бумаги с формулами, таблицами и какими-то графиками. Я вдохнула полной грудью, избавляясь от проевшего кожу кофейного запаха, и аккуратно вытащила “очень важный финансовый отчет”.

— Держите, — я протянула Джонатану документы, и наши пальцы соприкоснулись.

Не знаю, кто из нас смутился больше. Но он тут же взял себя в руки, снова выпрямился и, спрятавшись за невозмутимым выражением лица, словно высеченного из камня, сказал:

— У меня свое рекламное агентство. Обращайтесь, если потребуется помощь. И спасибо.

Слегка поклонившись в духе старых черно-белых фильмов, он протянул визитку и ушел.

Услышав, как хлопнула подъездная дверь, я вошла в квартиру, задумчиво вертя в руках прямоугольную картонку. Уже хотела выкинуть за ненадобностью... Но рука словно сама собой бережно отложила визитку в сторону на тумбочку в прихожей. А вдруг и правда пригодится?

Хью пришел, когда я только-только разложила еще теплые кексы в красивую коробочку. Усмехнулся, смахивая муку с моей щеки и задержавшись пальцами в прикосновении чуть дольше положенного. Я почувствовала, как лицо снова покрывается красными пятнами смущения. Кажется, теперь я могла посоперничать цветом лица даже с плодами помидорок, что росли у меня на балконе.

— Пошли, Мелли, — он взял меня за руку и потянул за собой в подъезд. — У меня для тебя подарок. Тебе понравится.

Я еле успела снять с себя кухонный фартук и косынку. Так и вышли на улицу: Хью держал за запястье меня, я — коробку с кексами. А перед подъездом на тротуаре стоял...

— Хью, что это?!

— Твой транспорт на сегодня. Прокатишься со мной, мэм?

Глава 7. Скейт и клубничный кекс

Я смотрела растерянно на розовый скейт с растительными узорами по всей поверхности, пока руки сжимали коробочку с клубничными кексами. Хью стоял рядом в такой привычной красной толстовке. Волосы без кепки топорщились во все стороны, а запах лимонада сбивал с ног. Но еще сильнее с ног меня сбивал вопрос, который только что вырвался из губ парня, что ночью обещал накормить меня пиццей, а сейчас, кажется, намеревался убить.

— Тебе жалко куска пиццы? Хочешь, чтобы все досталось одному тебе? — спросила я жалобно, когда он оторвал взгляд от скейта и повернулся ко мне.

— Мелли, не мели чепухи, — широкая улыбка и слегка поднятая правая бровь заставили меня усомниться в том, что я расслышала все правильно.

— Значит, ты пошутил...

Выдох, полный облегчения, прокатился по телу.

— Просто пошутил.

— Разве?

Он подошел ближе, внимательно заглядывая мне в глаза. Я машинально прижала коробку с кексами к груди, словно обороняясь.

— Хью, ты же не можешь серьезно предлагать мне доби-

раться до пиццерии на этом? — я показательно обвела в воздухе рукой новенький блестящий скейт, разрисованный какими-то стебельками.

— Мелли, ну ты только посмотри на этого красавчика!

Хью присел на корточки и с любовью провел рукой по доске, касаясь пальцем каждого стебелечка. Казалось, еще секунда — и он уткнется в нее щекой в приступе нежности.

— Дека из клена, универсальный размер, идеальное сцепление! Разве не нравится? Да я специально попросил нарисовать для тебя на ней листочки какие-то. Не похоже на твои растения, да? Ты поэтому против?

Моя бровь подпрыгнула еще выше. Я еще не поняла: то ли Хью придурок, то ли просто притворяется. Наверно, второе. Ну никак не вязался у меня его образ с этими детскими и глупыми вопросами.

— Я даже на велосипеде ездить одна опасаясь, лишь на самом простом самокате не так страшно. А ты предлагаешь... это.

— Так скейт и есть самокат, только без лишних деталей, — снова принялся горячо переубеждать меня Хью. Голубые глаза его сияли похлеще, чем бутылочное стекло на солнце. И я не смогла сдержать улыбки.

— Вот, ты уже почти согласилась! — радостно закричал он, обхватывая меня руками. Кексы в коробке жалобно пискнули.

— Хью!

Мы уже минут пятнадцать как встретились, но я, ошарашенная неожиданным “самокатом без лишних деталей” в подарок, совсем забыла, ради кого все утро порхала по кухне от холодильника к духовке.

— Это тебе.

Он слегка отстранился, но ладони с плеч не убрал. Под жарким летним солнцем руки его грели не меньше, чем старая чугунная батарея. Горячо до боли.

— И это... Подожди, дай угадаю.

Хью прикрыл глаза, хитро подглядывая за мной в щелку между полусомкнутыми веками. Длинные ресницы отбрасывали тень на лицо, не скрытое сегодня кепкой. Бордовые прядки в каштановых волосах при дневном свете выглядели еще ярче.

— Это...

Он шумно втянул носом воздух, поводил им из стороны в сторону, словно принюхиваясь, а потом радостно выдал:

— Это еда! Мелли, ты меня балуешь. Хочешь проложить автостраду к моему сердцу? — Хью подмигнул, открывая коробку. Я затаила дыхание, ожидая оценки. — Та-а-ак, предупреждаю, обратной дороги не будет. Если я съем хоть кусочек — придется устраивать похищение, чтобы эти нежные ручки не смели готовить больше никому, кроме меня.

— Хью, ты придурок.

— Хью, фы пфидуфок, — невнятно передразнил он меня, стараясь не выронить изо рта ни одной крошки кекса, что

уже запихал в рот.

— Ты всю меня сахарной пудрой оплевал!

— Прости, Мелли, но кекс просто божественный! Никак не мог удержаться!

— А значит, раз я вся такая великолепная, — начинаю медленно и вкрадчиво, будто обращаюсь к душевнобольному, — ты пожалеешь свою Мелли и уберешь с моих глаз это пыточное орудие?

Киваю в сторону яркого девчачьего скейта и пытаюсь игриво хлопать ресничками. Но я не Дебби. И понимаю это, к сожалению, только тогда, когда Хью, все-таки подавившись, начинает судорожно кашлять и смеяться, смеяться и кашлять.

— Мэм, ты все-таки решила прикончить меня пораньше?

— Я просто пытаюсь выжить.

Он, откашлявшись, окидывает меня оценивающим взглядом, и я уже начинаю надеяться на лучший исход. Разве кекс не должен был смягчить сердце этого плейбоя? И пусть в выпечке лишь щепотка магии — клубничного джема вполне должно быть достаточно для того, чтобы растопить одно мужское сердце.

— Ты права, кексы тебе доверять нельзя. Дай коробку сюда.

Длинные загорелые пальцы аккуратно и бережно вынимают из моих ладоней упаковку. Браслет на запястье мягко звенит и перемигивается с витринами пустующей лавки за мо-

ей спиной.

— Сам понесу. А ты живо на скейт! Обещаю, будет весело!

И, вскочив на свою доску, Хью срывается с места, успевая крикнуть:

— Слышал, что сегодня у Большого Билли акция “две по цене одной”. Если поторопишься — пиццы будет в два раза больше. Догоняй!

И, издав какой-то совершенно дикий возглас, Хью рванул вперед.

— Как-то не так я себе все представляла, — пробурчала себе под нос, не зная, с какой стороны подойти к скейту. — И это явно не свидание.

Ноги подогнулись в коленях сразу же, как я встала на скейт. Ощущала себя дурочкой, что прикрутила к разделочной доске колесики и взгромоздилась сверху. Еще бы тесак кухонный в руки — и смело можно отправляться на завоевание огуречных территорий.

— Не тормози, малышка Мелли, а то поцелую!

Хью промчался мимо меня, заложив крутой вираж, сделал круг почета и снова укатил вперед. Я даже не вздрогнула. Кажется, начинаю привыкать.

Нерешительно оттолкнулась ногой от асфальта и сжала руки в кулаки, чувствуя, как вспотели ладони от напряжения. Скейт медленно катился по тротуару, постепенно набирая скорость. Мир вокруг стал ярче и четче, словно кто-то

наконец протер стекло, через которое я на него смотрела. И даже серые бордюры казались теперь застывшими серебряными венами на теле города.

Я даже вошла в первый поворот. И поверила в себя. Теплый ветер бил в лицо, развевал волосы за спиной, шелестел в грудной клетке.

— Ю-ху! — восторженный голос эхом разнесся по улице, сгоняя голубей с насиженных мест.

А потом колесико моей разделочной доски попало в ямку.

Скейт мгновенно замер. И теперь уже голуби со смехом наблюдали, как мое тело взлетает вперед, чтобы встретиться с асфальтом в страстном поцелуе.

Я зажмурилась и стиснула зубы, ожидая удара.

Секунда.

Две.

И что-то теплое и липкое оказывается под моей щекой.

И что-то твердое — под моим телом.

— Все-таки ты любишь быть сверху, да? — придушенный стоном голос раздается откуда-то снизу.

Открываю сначала один глаз. Потом — второй.

— Всегда мечтал, чтобы женщины так дурели от меня, что готовы были бы наброситься и разорвать в клочья. Поцелуемся?

Хью лежит на асфальте. Я — на нем. Между нами — коробка с кексами. Раздавленными кексами. Мимо снуют го-

луби.

— Прости, — прошу почти шепотом, боясь даже шевельнуться.

— Не извиняйся, Мелли. Просто выходи за меня замуж, — и широкая лукавая улыбка снова расплзается по наглому лицу Хью.

— Ты все-таки придурок.

Аккуратно пытаюсь слезть с него, чувствуя, как напрягается подо мной крепкое мужское тело. И кажется, что голубиный смех становится только сильнее.

— Мелли, а, Мелли... — он вдруг внезапно притягивает меня к себе, прижимая измазанной щекой к толстовке. — Слышишь?

Слышу. Слышу, как колотится мое сердце. Для него сегодня слишком много впечатлений, и оно уже не выдерживает, словно целлофановый пакет, в который вместо кондитерского мешка напихали так много крема, что он лопается.

— Тебе же тяжело. Отпусти.

— Посмотри на меня.

Вокруг становится очень тихо. Я поднимаю взгляд.

Хью смазывает пальцем с моей щеки кекс и отправляет палец себе в рот.

— Интересно, ты такая же сладкая?

Пульс замирает. И тут же срывается с места, как бешеный пес. Или самокат. Я вижу, как Хью отрывает голову от асфальта, пытаюсь... Поцеловать меня?

— Интересно, ты всегда такой придурок?

И скатываюсь с него раньше, чем он успевает что-то ответить.

Голуби с громким курлыканьем разлетаются по улице, неуклюже цепляя провода. Резкая боль в коленке заставляет скривиться: содрала кожу. И ничего удивительного. Экстремальное скатывание с лежащих тел наглых парней — не мой любимый вид спорта.

Хью медленно поворачивается на бок и устраивает голову на ладони, приподнявшись на локте. Ленивый кошачий взгляд проходится по мне сверху вниз. Уголок рта дергается в попытке не улыбнуться.

— Как думаешь, что о нас сейчас думают во-о-он те люди?

Глава 8. Хороший мальчик

Никогда не думала, что буду сидеть на бордюре в обнимку с розовым скейтом в ожидании едва знакомого парня. Коробка с помятыми кексами лежит рядом. Настроение, как и белая футболка, безнадежно испорчено.

— Я пластырь купил, с котиками. Тебе понравится. Ты же любишь котиков?

Хью, чьего приближения я не заметила, встает передо мной на оба колена. В фильме это был бы безумно романтический момент: он на коленях с пластырем в руках и влюбленностью в глазах, я вся такая красивая с ободранной коленкой, искра-буря-безумие. Но в реальности единственная мысль, которая бьется изнутри о мою черепушку — мольба богам.

“Пожалуйста, пусть это будет не он”.

Только бы не он оказался моим лимонным тартom.

Горячие пальцы касаются поврежденной коленки, и я вздрагиваю, закусывая от легкой боли губу.

— Тише, Мелли, тише...

Он выдыхает, и прохладный воздух проходится по ободранной коже. Щиплет.

— Тебе какого котика? Коричневого, как я? Или рыжего, как ты? А может, парочку?

Голубые глаза смотрят пристально и неожиданно серьезно.

но. Совсем не сочетаются с наглой ухмылкой, к которой я привыкла за эти пару дней. И, вопреки всему, сердце вздрагивает и снова делает кульбит, утопая в пузырчатом лимонаде.

— Зачем парочку?

— Будешь смотреть на пластырь и вспоминать наше неудачное первое свидание. И думать о втором, что точно удастся.

Свидание? Я нервно сглатываю, обхватывая скейт покрепче. Мысли, как тараканы, начинают метаться в голове от стенки к стенке.

— Хьюстон, у нас проблемы, — мою речь словно замедлили. Слова текут неспешно и никак не хотят складываться в предложения.

— Когда ты называешь меня полным именем, мне хочется заставить тебя отрабатывать каждый его звук поцелуями. Иначе смысла в таком длинном наборе букв я не вижу.

Не успеваю дернуться ни от слов, ни от действий, как пластырь оказывается на колене. С котиками. Двумя.

— Хью, — исправляюсь, пытаюсь уверенно смотреть ему в глаза. — Я не соглашалась идти с тобой на свидание. И это мало на него похоже.

Я обвожу рукой разорванные джинсы, ободранную коленку и помятые кексы. И пусть я ни разу не была на свидании — готова со стопроцентной уверенностью утверждать, что это

точно не оно.

— Неужели мой голый торс, подарок и смешные шутки — это недостаточный повод согласиться?

Хью лукаво подмигивает, и я сдаюсь. Свидание так свидание. Самое ужасное свидание на свете. Да я счастливица!

— Пицца сегодня будет? И рецепт. Где мой рецепт лаза...

Не успеваю закончить, как Хью подхватывает меня на руки. Пальцы от неожиданности крепко-накрепко цепляются за ткань его красной толстовки. Глаза цвета морского стекла оказываются так близко, что я вижу в них каждую крапинку, каждый блик. Смущение краской разливается по щекам и перехватывает дыхание, пока мой взгляд пытается найти выход из лабиринта этих глаз. Не получается, и я начинаю чувствовать себя рыбой, попавшей в рыбацьи сети. Дебби спрашивала про русалок? Кажется, я стремительно превращаюсь из кухонной ведьмы в морскую деву с плавниками вместо ног. Скоро на побережье Оушен Тирса на одну русалку станет больше. Интересно, Хью согласится отвезти меня к океану? Самой с рыбьим хвостом и жабрами по суше добраться до побережья будет весьма затруднительно...

— Дыши, Мелли, — короткий смешок срывается с его губ и затихает, но все еще продолжает вибрировать в груди, к которой я прижимаюсь головой. — Посиди пока. Через пять минут пицца будет у тебя.

Он отстраняется, опуская меня на скамейку в беседке. И

мне становится вдруг прохладно без горячих рук на моем теле. И под ребрами неприятно свербит.

Вижу, как Хью поднимает с асфальта два скейта, бережно прижимает к груди картонную коробку с тем, что еще утром было кексами, и снова идет в сторону беседки.

— Помню, — закатывает глаза, словно читая мои мысли, — тебе с курицей и ананасами. Я туда и обратно, а ты сторожи наше общее имущество.

Растрепанные волосы путаются и лезут в глаза, в рот, липнут к губам. Я отдираю от губ по волосинке. Медленно, методично, чтобы не думать больше ни о чем. Хочется позвонить Дебби и спросить, отчего так суматошно, так ошалело бьется сердце и сводит пальцы, если Хью мне совсем не нравится. Совсем. Всего в нем слишком. Слишком нахальный, слишком заразительная улыбка, слишком громкий смех и слишком тупые шутки. Даже пресс у него слишком — все шесть кубиков, которые я успела разглядеть, пока он слишком бесцеремонно шлялся у меня по квартире.

Поток мыслей прерывается тихой вибрацией смартфона в ритме пульса. Смахиваю значок вверх.

— Фрилав!

Шэннон широко улыбается, повязывая зеленую бандану поверх распущенных длинных черных волос с двумя мелкими косичками у лица.

— Собираешься на пары?

— Мэл, ну какие пары вечером?!

Она смеется, и ее грудной смех заползает под ребра, отогревая и успокаивая.

— Тогда...

— Фестиваль очередной, я выступаю. Представляешь, мой научный руководитель решил, что раз я люблю примерять на себя наряды разных культур, то и участие в фестивале с названием “Этносфера: от зова предков к современному голосу” — для меня обязательно!

Шэннон с преувеличенным негодованием закатывает серо-зеленые глаза, а я стараюсь удержать улыбку в рамках дозволенного. Знаю, что шутит. Шэннон О’Брайен — студентка кафедры культурологии и гуманитарных исследований, готовая днями и ночами пропадать в пыльных библиотеках и архивах, не смогла бы отказать себе в удовольствии выступить на очередном фестивале. И как только время нашла позвонить?

— Мэл, мы договаривались о созвоне, но я правда сегодня не смогу. Залетела сообщить об этом.

Шэннон подводит глаза черной подводкой, цепляет на грудь массивные украшения из натуральных камней, не переставая говорить:

— Поболтай с Дебби и за меня. Уверена, ее рассказы об очередном красавчике спокойно по таймингу растянутся на отпущенное и ей, и мне время для разговора.

— Она мне вчера звонила. И что-то мне подсказывает,

что сегодня тоже сольется, предпочтя школьной подруге соленые поцелуи.

— Главное, чтобы соленые они были не от соплей, — флегматично выдыхает Шэннон и, подняв два пальца, уверенно разведенные в форме буквы V, сбрасывает звонок.

Закатное летнее солнце скользит по коже, вырисовывая причудливые узоры. И я впервые за день спокойно прикрываю веки, позволяя себе расслабиться. Внутри — тихо. Легкий ветер шелестит листвой, где-то в соседнем дворе маленький мальчуган пытается закинуть мяч в баскетбольную корзину, из кондитерской неподалеку пахнет шоколадом и соленой карамелью. И клубникой с пиццей.

Клубникой? С пиццей?

Широко распахиваю глаза. Вовремя, чтобы увидеть, как наглые пухлые губы неторопливо приближаются к моим.

Застываю от страха и неожиданности. Наши носы — замирают в миллиметрах друг от друга.

— Мелли, я принес твою любимую. Будешь?

И мне на колени ложится горячая коробка с пиццей.

— Я был хорошим мальчиком.

Хью опускается перед скамейкой на колени, по-щенячьи преданно заглядывая мне в глаза, а мои губы пылают от неслучившегося поцелуя, который я, кажется, себе выдумала.

— Ты...

— Я. Покормишь меня с рук, Мелли?

Глава 9. Неудавшийся поцелуй

Не знаю, как решилась снова впустить его в дом. На свою маленькую уютную кухню. И ведь даже ни одна вилка не звякнула против!

Он вписался так легко, словно всегда здесь находился. Пальцы уверенно держали нож, шинкуя овощи на салат. Из горячего окошка духовки умопомрачительно тянуло мясом, мускатным орехом и томатами, которые тоже радостно упали с ветки прямо к нему в руки.

— Знаешь, что говорят умные женщины? Мужчина, который готовит... — Хью одним движением отбросил с лица упавшие на лоб пряди и, поправив фартук, взялся за чеснок.

Я, как замороженная, смотрела на лезвие, что плашмя опустилось на зубчик. Брызнул чесночный сок, оставляя на деревянной досточке влажные следы. В нос ударил бодрящий запах, какой бывает за городом. Там, где растет дикий лук. Хью еще что-то говорил, наверно, но я уже не слушала, мысленно переместившись на зеленую поляну, где сладкий аромат клевера и цветочного меда смешивается с чесночной терпкостью, свежим воздухом и тем неуловимым, что не описать никакими словами. Мне захотелось растянуться на прогретой солнцем земле, подминая под себя росистую траву, раскинуть руки в стороны и дышать, пока дышится. Каж-

дой клеточкой кожи, каждой своей частичкой. Стать этим полем, этими травами, цветами и небом. Бескрайним голубым небом над головой.

— Мелли, ты сегодня нарываешься.

Вздрогнула, увидев прямо перед собой лукавые смешинки в глазах. Хью, наклонившись ко мне, завис напротив, пристально вглядываясь в мое лицо. Меня бросило в жар, и тонкая струйка пота потекла по позвоночнику. Почему он все время оказывается так близко?

— Что?

Я обескураженно захлопала ресницами, пытаюсь прийти в себя.

— Знаешь, — продолжил он, даже не пытаясь отстраниться, — когда ты такая смущенная, такая растерянная...

Задержала дыхание, крепче сцепив зубы. От его близости рот наполнился слюной и захотелось сглотнуть, но я держалась. Это бы выглядело так же тупо, как у книжных героинь, что все время облизывают губы, как только оказываются рядом с объектом обожания. Вот только я Хью не обожаю. Вообще. Да. А излишнее слюноотделение... Из-за ароматов горячей лазаньи и овощного салата. Правда же?

— Когда ты молчишь и смотришь на меня так...

Его пальцы приподняли мой подбородок. Снова. А я молилась только о том, чтобы из уголка рта не потекла слюна.

— Мне хочется сделать это.

Глаза широко распахнулись, когда горячие мягкие губы слегка коснулись ямочки под нижней губой и переместились в уголок. Судорожный вдох. Резкий, неконтролируемый выдох...

И я чувствую, как вместо стона с губ моих срывается тихое “пш-ш-ш”, словно у утюга в режиме отпаривания.

Хью смешно моргает, вытирая лицо рукавом толстовки. А я покрываюсь краской с головы до пяток. Щеки горят от стыда, и мне кажется, что даже волосы у меня покраснели от дикого желания провалиться сквозь землю... А мне и бежать некуда — я у себя дома.

— Это было... весьма доходчиво, — ошалело выдает Хью, но не сбегает, теряя на ходу обувь, как можно было бы ожидать. Вместо этого треплет меня за волосы на затылке, словно мелкую, и тянет за руку к столу.

— Хью, слушай...

Мысли путаются, слова путаются, и ноги — путаются. Как объяснить, что я не хотела плевать в него? Даже если бы... Страшно и волнительно думать об этом, но если бы только вдруг он сделал то, что собирался... Я бы и тогда не стала плевать. Желаю ли я, чтобы мой первый поцелуй достался такому, как Хью? Не знаю...

Внутри снова поднимается паника. Чувствую себя яйцом, попавшим в блендер вместе со скорлупкой. Мысли и кишки накручивает на венчик, пока мозг в этом бешеном ритме старательно пытается найти кнопку “Выкл”.

— Мелли, ужин остывает, — на удивление ласковый голос врывается в мои размышления.

Широкие мужские ладони отодвигают со скрежетом стул, кладут передо мной приборы с тихим звяканьем, ставят аккуратно тарелку, пододвигают салат. И меня медленно отпускает.

— Прости, — повторяю в который раз за день, чувствуя себя последней идиоткой. — Я правда не хотела.

— Мэм, — он подмигивает и, придав лицу слишком серьезное выражение, выдает, — должен признать, что я крайне польщен. Вряд ли ты с каждым встречным обмениваешься генетическим материалом. Еще несколько таких выходов, и мне придется взять тебя в жены.

— За священника будет, видимо, лазанья?

Благодарно улыбаюсь, любясь смешинками в глазах Хью. Пальцы по привычке тянутся к колечку на шее. Мама, неужели это правда он? Вот так просто? Не сказочный принц, не рыцарь без страха и упрека, а всего лишь наглый курьер с безумно красивыми глазами?

— Мелли, ты совсем отстала от жизни. Ну какой священник? Я...

Громкая вибрация смартфона, от которой сотрясается стол, прерывает Хью на полуслове. Незнакомый номер.

Глава 10. Мой мистер Хаос

Незнакомый номер. Я бы могла сбросить, но сбережения подходят к концу, а мне срочно нужны деньги. И я все еще помню, как пару дней назад дала объявление в “Голос Айронвуда”.

— Слушаю?

Хью откладывает вилку, словно боится помешать нечаянным звуком. И мои губы растягиваются в улыбке от такого просто, но значительного действия.

— Стать нежнее и женственнее? — забыв о Хью, кручу колечко в пальцах. Перебираю в памяти рецепты и думаю, чем можно помочь девушке на том конце связи. — Как насчет легкого желейного десерта с засахаренными съедобными цветами? Фиалки, анютины глазки... Да? Завтра... Смогу.

Отложив смартфон, задумчиво ковыряюсь вилкой в салате. Ягодный террин — не самый сложный десерт, скорее, наоборот. Но ждать, пока застынет каждый желейный слой... Кажется, мне придется работать всю ночь. Сделать разноцветный ягодные слои, поиграть с вкусами... Какой-то слой слаще, какой-то — кислее. А самый верхний — цветочный. Тот, что и пробудит в девушке легкость, женственность, игривость... Да, точно. И еще немного украсить засахаренны-

ми цветами. У меня же оставались где-то фиалки?..

— Мэл, что-то случилось?

Тихий голос выдерживает из размышлений, и я с удивлением понимаю, что совсем забыла о Хью. А он все еще здесь — сидит напротив, смотрит на меня внимательно, и даже привычные лукавые искорки исчезли из глаз.

— Заказ новый. Всю ночь буду работать...

Неловко замялась, думая, как бы потактичнее выпроводить позднего гостя. Тихо задребезжало стекло в духовом шкафу. Сильнее запах базилик. Загудел, затарахтел холодильник.

— Иди, начинай работать, — Хью улыбается, и я впервые вижу его таким спокойным. Его глаз не дергает от подмигивания, губы не изламываются в ехидной усмешке, изо рта не вырывается очередная тупая шуточка. — Иди, Мелли. Не обращай на меня внимания. Я приберу немного и сам за собой закрою.

Мне хочется сказать, что сложно не обращать внимания на того, кто недавно пытался тебя поцеловать. Что мне нужно готовить, а эта кухня слишком маленькая для двоих. Что магия не терпит постороннего присутствия. Что... Мне многое хочется сказать, но я молчу, окутанная этой уютной тишиной, что внезапно обрушивается на нас. В мерном гудении электроприборов воздух между нами вязнет, уплотняется. И я впервые в этом городе не чувствую одиночества.

— Ну же, Мелли, отвисни, а то поцелую, — снова говорит

Хью, но я уже не верю в эту придурковатость. Широко улыбаюсь и отвечаю:

— Рискни, но я за последствия не ручаюсь.

Он смотрит пристально, а у меня под ребрами бурлит непонятное возбуждение. Чувствую себя банкой с газировкой, которую хорошенько встряхнули. Стоит сорвать крышечку — и всех вокруг зальет сладкой липкой пеной.

— Думаю, что на сегодня экспериментов достаточно. Но я запомнил твои слова. А память у меня хорошая, Мелли.

Обольстительная улыбка скользит по его губам, а я не вижу ее — смотрю в внимательные и понимающие глаза.

Хью неторопливо собирает тарелки в стопку, включает воду в раковине. Мята на подоконнике тянется к нему, источая ментоловый освежающий запах. Я провожу указательным пальцем по узорчатым листочкам, срываю один. Точно, надо будет добавить в террин мяты.

Достаю из навесного шкафчика сахар и желатин, вынимаю из холодильника сливки и молоко. Первый слой будет муссовым, мягким и воздушным, как подтаявший на солнце пломбир. Прикрываю глаза, улыбаясь. Каждой девочке хотя бы раз в жизни хочется почувствовать себя принцессой. И как же хорошо, что магия может в этом помочь.

Распускаю желатин в молоке и выливаю сливки в миску. Миксер привычно ложится в ладонь. Легкая золотая пыльца слетает с кончиков пальцев, когда жирные сливки с са-

харной пудрой превращаются в мягкие пики. Любуюсь ровной и гладкой текстурой, прежде чем влить в сливки тонкой струйкой желатин. Искорки магии оседают сверху, и в груди теплеет.

Аккуратно перемешать, перелить в форму, убрать в морозилку... И можно приниматься за следующий слой.

— Мэл, я ушел.

Дергаюсь, и бумажный пакетик с красной смородиной падает из рук на стол. Несколько ягодок лопаются, оставляя на темном дереве красные пятна.

— Прости... Не хотел пугать.

Оборачиваюсь. Хью стоит в дверном проеме со своим скейтом и коробкой давленных кексов. Глаза виновато блещут в сумраке прихожей. Я снова забыла, что он здесь.

Обвожу взглядом кухню: посуда помыта, насухо вытерта и стоит в шкафу, раковина блестит от чистоты, вилки и ложки довольно перезвякиваются.

— Спасибо, Хьюстон Леджер.

— Снова нарываешься? — вижу, как по губам скользит усталая улыбка. Хочется прикоснуться к ней пальцами, задержать еще ненадолго...

— Просто благодарю.

Один день, проведенный вместе. В обед он чуть не убил меня, заставив встать на скейт, и нагло приставал. Вечером — приготовил ужин, сгладил позорный момент и перемыл посуду, чтобы я не отвлекалась по мелочам. Какой же ты на-

стоящий, Хью? Кто ты: обаятельный балбес, озабоченный придурок или тот, кто тихо и без слов поддержит, если будет нужно? И хочу ли это знать?

— Оставь скейт себе, — он ведет подбородком куда-то себе за спину, в темноту прихожей, где, прислоненный к стенке, стоит ярко-розовый девчачий скейт — красивая машина для самоубийц. — На будущее.

— Хью, я...

— Боишься и не умеешь кататься. Я уже понял. Прости, Мелли. Просто дай нам со скейтом еще один шанс. Ты не пожалеешь.

Закатываю глаза, снова начиная раздражаться. Колено под пластырем простреливает болью. Чтобы я еще раз коснулась этого розового недоразумения?

— Просто пусть пока постоит у тебя, ладно? — наконец-то сдается Хью, и я еле сдерживаю торжествующую улыбку.

— Ладно.

— Ну я пошел?

Сейчас бы лечь в кровать, закутаться в одеяло и провалиться туда, где ни одиночества, ни тревожных мыслей, ни сумятицы. Но впереди несколько часов работы, а Хью сбил меня с нужного настроения. Я решаю отомстить и, подойдя к нему, встаю на цыпочки и касаюсь губами шершавой щеки.

— Волшебных снов, мой мистер Хаос.

И пока он ошарашенно хлопает ресницами, легонько толкаю в грудь. Когда он оказывается за порогом квартиры, закрываю дверь.

Теперь можно продолжить готовить.

Что там дальше по плану? Стеклоанное прозрачное желе с малиной и красной смородиной?

Ночка предстоит долгая.

Глава 11. Ягодный террин

Глаза уже закрывались, когда пришло время для последнего, четвертого слоя. Я взглянула на то, что уже получилось: плотный молочного цвета низ, подобный утреннему туману над озером; над ним — прозрачное желе с утопающими в нем ягодами, словно застывшими во льду. Я точно знала, как они взорвутся во рту яркой кислинкой, окрашивая мир непривычно сочными красками. Венчал сейчас десерт сладкий мусс из белого шоколада — густой, тягучий, словно летние вечерние сумерки. Рассвет жизни, будоражащее веселье юности, уверенная в себе зрелость. Осталось добавить нежности и хрупкости, что сопровождают женщину по жизни независимо от того, сколько ей лет. Нежности, которая лечит даже самые израненные сердца. Хрупкости, перед которой преклоняется даже самая большая сила. Женственности.

Поставив на плиту вариться цветочный сироп, налила чашку крепкого жасминового чая. Легкая горчинка заполнила легкие, древесными нотками пробежалась по языку, заставила приоткрыться слипающиеся глаза. Я накинула сверху на фартук махровый длинный халат, потуже затянула пояс и вышла на лоджию.

Над городом занимался рассвет.

Пальцы, вмиг продрогнувшие от утренней влажной про-

хлады, ласково прильнули к горячему фарфору. Я смотрела на зефирное небо, маленькими глотками отпивая чай. Тишина. Ни звука в этот ранний час. Даже птицы молчали, и лишь где-то над горизонтом черные силуэты пируэтами взрезали небо.

Соседа на лоджии еще не было, да и в окнах его не горел свет.

Джонатан. Его зовут Джонатан.

Улыбнулась, вспомнив, как он смутился, когда наши пальцы случайно соприкоснулись. Маме бы он понравился, наверно.

Сквозь звенящую рассветную свежесть почувствовала запах жженого сахара.

— Совсем забылась!

Стукнулась лбом о дверной косяк, пока пыталась попасть с лоджии в дом. Взыла от боли и, аккуратно поставив чашку на стол, подошла к плите. Не ошиблась: сироп, оставленный без присмотра, выкипел и теперь пузырился коричневым цветом на дне сотейника.

— Зато проснулась.

С губ сорвался тяжкий вздох. Отправив сотейник в раковину, потеряла озябшими пальцами опухшие от недосыпа веки и достала новый ковшик.

— Так... Сахар залить водой, добавить лимонного сока...

Дрожащие пальцы неловко дернулись, просыпая сахар на столешницу. Я крепко зажмурилась. Вспомнила мелодич-

ный голос заказчицы, который звенел чище вод лесного вешнего ручья, ее смущенный мягкий смех, ее просьбу. И, улыбувшись, вытерла стол, чтобы начать по-новой.

Сквозь стекла на кухню проникал золотисто-розовый свет. Он кружил по стенам, расписывая их кружевом. Касался деревянных половиц. Целовал нежные лепестки съедобных цветов, что ждали своей очереди.

С улицы потянуло кофейным ароматом. Уголки губ слегка приподнялись.

Я аккуратно налила тонким слоем прозрачный сироп с растворенным в нем желатином на шоколадный слой террина. Следом принялась выкладывать цветы фиалок и анютиных глазок, чередуя нежно-сиреневые лепестки с желтыми и ярко-фиолетовыми. Пальцы порхали над формой, подрагивая от напряжения. Я казалась себе бабочкой, что боится сесть на цветок, а потому кружит вокруг него. Некоторые цветочки всплывали, и я заново немного топила их в сиропе, заставляя занять нужное мне место. Золотистые искорки слетали с пальцев уже без моего ведома, и я чувствовала, как они наполняют десерт магией — чистой, воздушной, хрустальной.

Наконец-то мне понравилось, что получилось, и я отправила форму обратно в морозилку.

Кухонная утварь, что до этого молчала, не желая мешать, тихонько зазвенела. Половник взмыл в воздух, дирижируя

венчиками и лопатками. Вилки еле слышно принялись перезвякиваться с ложками. И лишь суровый разделочный нож угрюмо стоял в сторонке, не принимая участия в утренней песне, славящей мир.

— Я еще не закончила, — смешок сам собой сорвался с губ. А следом за ним — широкий зевок.

Поварешка бочком вернулась на крючок над плитой, на котором висела. И, кажется, стыдливо отвернулась в сторону. Я легонько провела пальцами по ее ручке и шепнула:

— Но спасибо за песню. Было красиво.

Достав из морозилки ягодный террин, залила оставшийся сироп. Он поблескивал в солнечных лучах, словно прозрачное стекло, за которым — цветочный сад. Хрупкость. Нежность. Женственность.

— Кажется, справилась.

Голос, севший от усталости, неприятно царапнул кожу шероховатостью. Я убрала десерт окончательно застывать и, даже не умываясь, рухнула на кровать. И снились мне птицы, кружащие в розовом небе.

Звонок в дверь прозвучал раньше, чем я была готова его услышать. Противный перезвон бил по ушам, превращая невыспавшийся мозг в густое желе, что и само по себе было вполне годно для того, чтобы застыть очередным слоем террина.

Проходя мимо зеркала, бросила в него мимолетный взгляд и скривилась от того, что увидела. И без того блед-

ная кожа, которую мама почему-то называла молочной, приобрела за ночь землистый оттенок. Глаза ввалились в черепушку и загадочно поблескивали, оттеняя синь под ними. И только короткие волосы лежали почти как обычно, закручиваясь мягкими волнами.

Остановившись у двери, поправила подол смятого за время сна платья, глубоко вдохнула и провернула замок.

Большие и голубые, словно чистые озера, глаза смотрели на меня со смущением и каплей надежды. Губы сами собой растянулись в улыбке, а из квартиры потянуло ароматом базилика.

— Я к вам за заказом, — она опустила взгляд, — вчера звонила. Мы договаривались...

— Да, конечно...

Глава 12. Эспрессо по-соседски

Это небесное создание нервно перебирало пальцами кружево на рукавах тонкой блузки, словно эти хаотичные движения могли кого-то успокоить.

— Проходите, пожалуйста.

— Меня зовут Бетти. Мне про вас подруга рассказала, а подруге — ее мама, а маме...

Я слегка усмехнулась. Ну вот, Дебби, те, кто приходят ко мне по рекомендациям — хорошие, вежливые, воспитанные. И зачем нужен был этот “Голос Айронвуда”? Чтобы такие, как Скай, качали права, а потом поливали грязью в самой популярной соцсети города?

— Присаживайтесь, — я показала рукой на стул. — Чай, кофе?

— Нет, спасибо...

Бетти слегка покраснела и снова опустила голову вниз. Пряди цвета кофе с молоком упали на лицо, спрятав его, как за занавеской.

— Я просто... Просто хочу стать женственной.

— Бетти, но ведь ты и так само воплощение нежности...

— Нет, вы не понимаете!

Она вскидывает на меня взгляд. В глазах блестят слезы.

— Я просто... просто... я просто слабая. Каждый норовит ударить побольнее. Не словом, так взглядом. Мама говорит,

что я — гадкий утенок. Ни осанки ровной, ни походки плавной, ни...ни...

Голос срывается в очередном всхлипе, и я чувствую, как что-то обрывается в груди.

Мама.

Пальцы по привычке касаются колечка на шее. Два слова, выгравированные на нем — мой девиз по жизни. То, во что мама заставляла верить даже тогда, когда я сама считала себя полнейшей неудачницей. И сейчас, сама не замечая, как перехожу на “ты”, я повторяю эти слова для сломанной девочки, которую обидел самый близкий человек, тот, кто должен был оберегать ее счастье ценой своего спокойствия:

— Ты свет, Бетти.

— Что?

Она от неожиданности перестает рыдать, и лишь несколько слезинок продолжают блестеть на щеках.

Я подхожу к холодильнику и достаю ягодный террин. От него пахнет летом, молодостью и счастьем. И пусть я уверена, что женственности в Бетти хоть отбавляй, я протягиваю ей десерт.

— Тебе не нужно становиться женственнее, чем ты есть. Но...

Я улыбаюсь, понимая, что магия во мне снова лучше знала, что делать.

— Но в этом десерте не только женственность и нежность.

В нем сила верить в себя тогда, когда другие не верят. В нем зрелость, которая возникает, как только начинаешь нести ответственность за свою жизнь. В нем хрупкость, которая стерпит больше любой закаленной стали.

Бетти, казалось, не слышала меня, заворуженно глядя на желеино-муссовую пироженку. Я вкладываю ей в руки красивый контейнер, сквозь прозрачные стенки которого видно каждый слой. Фиалки и анютины глазки, застывшие под сиропом, бликуют, заставляя сердце таять от красоты.

— А что мне делать с ним? Просто съесть?

— Не просто.

Я сажусь на корточки напротив нее, чтобы смотреть глаза в глаза. Ноги дрожат от усталости, но голос мой тверд. И даже холодильник перестал гудеть, словно почувствовав важность момента.

— Сначала надо остаться дома одной. Надеть любимое платье, распустить волосы, включить музыку. Зажечь свечи и налить самый вкусный чай. С закрытыми глазами честно признаться себе в том, что на самом деле хочешь. И, вспоминая моменты, когда чувствовала себя по-настоящему счастливой, отламывать ложечку за ложечкой. И ты увидишь, как начнет меняться твоя жизнь, Бетти.

Она прижимает форму с террином к груди, и я вижу, как загораются ее глаза.

— Можно, я пойду? — голос ломкий от волнения, но гла-

за сияют ожиданием счастья, и я отстраняюсь.

— Да, конечно. Я провожу.

Уже на пороге Бетти оборачивается и сует мне в руки мягкие купюры. Снова покрывается румянцем.

— Это чтобы мама не знала. Она... она проверяет мои счета. Так же можно, правда? Или надо...

Твердой рукой забираю деньги и утвердительно киваю головой.

— Можно. Не волнуйтесь.

И, закрыв за ней дверь, обессилено опускаюсь на пол прямо у входной двери. Мама, спасибо за то, как сильно верила в меня. Эта вера и сейчас заставляет вставать даже тогда, когда чудится, что сил нет. Даже тогда...

Новый звонок в дверь заставляет вздрогнуть. Кажется, будто эта громкая противная трель вибрацией проходит по всему телу, застревая где-то в районе макушки. И сверлит, сверлит черепушку, заползая под кости склизким червяком.

Думая, что это Бетти что-то забыла, даже не смотрю в дверной глазок. Но за дверью молодой парень с курьерской сумкой в руках.

— Мелисса?

— Да, я. А вы?

Смотрю на него с недоумением. Желе, что сейчас заменяет мне мозг, отчаянно не хочет понимать, что происходит.

— Для вас доставка.

Он достает откуда-то подставку с кофейным стаканчиком

и протягивает мне. Теплый насыщенный аромат проникает под кожу, вызывая желание свернуться клубочком под пледом.

— Но я ничего не заказывала.

— Ах, да! Чуть не забыл.

Он взмахивает руками и, порывшись в карманах, достает оттуда тонкую картонку.

— Это вам. Записка к заказу.

И, качнув головой на прощание, спешно скрывается из виду.

Закрыв за собой, захожу на кухню. Любопытный базилик вытягивает в мою сторону листочки, словно умеет читать. Холодильник снова начинает нравоучительно тарыхтеть, как престарелая матрона. И только поварешка притихла, все еще переживая из-за утренней оплошности.

Подношу записку к глазам.

Округлые ровные буквы одинаковой высоты. Никаких завитков, ни единой помарки. И кто в наше время оставляет бумажные записки, написанные от руки?

“Поберегите здоровье, Мелисса. Ночное вдохновение не стоит вашего сна. Кофе для бодрости. Вкусный, я проверял”.

Мои глаза широко распахиваются, как только я понимаю, кто мог прислать мне кофе с курьером. Тот, кто привык каждое утро встречать вместе с мной рассвет на расстоянии

нескольких метров друг от друга. Тот, кто мог посреди ночи, встав за водой, заметить, как горит в моих окнах свет. Тот, от кого всегда пахнет молотыми зернами.

— Но разве это может быть...он?

Глава 13. Зефир и кофе

Горячий терпкий кофе обжигает горло и согревает внутренности. Кажется, что даже дышать становится легче. Нет, он не добавляет бодрости, но заземляет, заставляет вспомнить о теле. О зубах, которые надо бы почистить. О лице, которое хорошо бы умыть. О волосах, которые следовало бы расчесать.

И, сделав очередной глоток, ныряю в ванну, больше похожую на огромную раковину. Глаза закрываются, и я почти уплываю в сон. Чем бы мне ответить на такую неожиданную заботу почти незнакомого человека?

— Мэл, а ты уверена, что кофе от него? — спрашиваю вслух саму себя, и голос звучит странно, отражаясь эхом от настенной плитки.

Тут же понимаю, что кроме Хью и соседа у меня в Айрон-вуде нет знакомых, которые могли бы знать, как я провела эту ночь.

На миг мелькает мысль, что курьера прислал Хью... Но я почти сразу отбрасываю ее. Разве можно представить его пишущим записки? Да еще и таким ровным почерком? Хью скорее бы поднялся по пожарной лестнице дома, чтобы заглянуть в окно и, выдав очередную тупую шутку, бросить в меня банкой газировки.

Смартфон вибрирует на табуретке, что заменяет мне тумбочку. Значок Пульса мигает фиолетовым, намекая на новое непрочитанное сообщение. Вытираю мокрые ладони о макушку и беру смартфон.

Вот и Хью.

Хью: Мелли, я уезжаю на неделю в Уиллстоун. Скажи, что будешь по мне скучать.

Мэл: По тебе вряд ли, а вот по твоей лазанье...

Улыбаюсь, ощущая, как внутри разливается приятное тепло. Стоит посмотреть на аватарку Хью, и губы снова начинает печь от несбывшегося поцелуя, который мог бы стать первым.

Хью: А если я скажу, что знаю рецепт самой вкусной карбонары на всем западном побережье?

Мэл: Тогда я стану скучать по тебе немного охотнее.

Пальцы дрожат и не попадают по клавишам. Вместо смеющегося смайлика отправляю ему сердечко, что пульсирует в такт моему собственному.

Хью: Оу, Мелли... Клянусь, что буду кормить тебя до окончания веков. Ты даже не представляешь, как попала, мэм.

Мэл: Это угроза?

Он не отвечает. И я, старательно уговаривая себя не расстраиваться, вылезаю из ванны. Короткие волосы всего парой движений превращаются из мокрых во влажные. Полотенце, обмотанное вокруг тела, напоминает о том дне, когда

Хью вышел из ванны с голым торсом...

И вдруг накатывает обида.

Он даже не спросил, как я. Хотя знал, что я собиралась работать всю ночь.

Совсем ничего не спросил. И утра доброго не пожелал. И даже...

Вышла из ванны злая, вбивая пятки в пол. Базилик снова начал вонять на всю квартиру. Кастрюльные крышки — греметь, исполняя какой-то похоронный марш. Кухонный топорик вывалился из подставки для ножей и угрожающе завис над столешницей.

— Успокойся, Мелисса... — глубокий вдох, медленный выдох, и взгляд падает на картонный бумажный стаканчик. — Джо...

Губы подергиваются в грустной усмешке. Вот она, правда жизни. Один лезет с поцелуями, но наутро забывает даже спросить, как у тебя дела. Другой — не знает о тебе ничего, но отправляет с курьером кофе после бессонной ночи.

— Джонатан. Наверно, стоит испечь для него что-нибудь вкусненькое...

Взгляд снова падает на стаканчик от кофе. И, собрав волосы в небрежный пучок, заменяю влажное полотенце на такое привычное легкое платье. Фартук садится сверху, как родной.

Смартфон вибрирует, но я даже не смотрю в его сторону, осененная очередной идеей.

Я знаю, что мне приготовить для Джонатана. И если я найду в своем кухонном шкафчике кофе — ему точно понравится.

Распахиваю шире окна, не давая себе погрязнуть в жалости к самой себе. Летний ветер врывается в кухню, колыхает легкие занавески, превращая их то ли в корабельные паруса, то ли в вуаль невесты. И лимонное дерево ловит светлые полотна ветками, словно стеснительно прячется от меня.

Пока несколько яблок, найденных в деревянном ящике для фруктов, запекаются в духовке, мои пальцы такими привычными движениями разбивают яйцо, вливая в миску белок, насыпают сахар... И совсем непривычными — заваривают в турке крепкий и ароматный кофе.

Закусив от усердия губу, аккуратно вливаю в яблоки, взбитые с сахаром, белком и кофе, сироп с агар-агаром, когда смартфон снова вибрирует. Бросаю взгляд на экран, не выпуская из рук миксер — смазливая улыбчивая физиономия с высунутым набок языком. С губ срывается недовольно-насмешливое фырканье, и электрический чайник вторит мне, выпуская в потолок струю горячего воздуха. Отворачиваюсь.

Красивые блестящие зефирки в форме кофейных зерен лежат на пергаменте. Светло-бежевые, они пахнут робустой и сладостью. Смотрю на те, что примостились с краю — не успела отсадить, и кофейные зерна расплылись, превратившись в коровьи лепешки.

— Эта парочка достанется мне... — мой голос полон предвкушения.

В закатных лучах кухонька выглядит еще уютнее. Кажется, я наконец-то начала чувствовать, что здесь мой дом. Здесь, среди кастрюль, горшочков с растениями и тонким кружевом теней, что распускается на светлых стенах каждое утро и каждый вечер. Наливаю кипяток в кружку, подтягиваю поближе свои кривые зефирки и закрываю глаза. Воспоминания о прошедшем дне плесневелым яблоком падают на плечи и, проникая сквозь кожу, оседают в животе, вызывая тошноту.

Мне хочется к маме.

Базилик тревожно шевелит листочками, испуская пряный аромат. И я глубже вдыхаю. Становится тепло.

Но в маминых объятиях было уютнее.

Усталость наваливается со страшной силой. Я закидываю зефирку в рот, почти не чувствуя вкуса. Кипяток прокатывается по горлу обжигающей волной, гасит зефирную сладость.

А как хочется уткнуться в родной живот и молчать, пока мамыны нежные руки гладят по голове, перебирая волосы. И вдыхать, вдыхать почти неуловимый запах роз, ладана и теплой кожи. Мамин запах.

Пальцы перехватывают колечко, когда я роняю голову на сцепленные в замок руки. Прошел год. Год, как она в последний раз мне улыбнулась и закрыла глаза, чтобы больше их

никогда не открыть...

И когда я проваливаюсь в тяжелый муторный сон, что затягивает, как болотная трясина, смартфон так и остается лежать на кухонном столе рядом с ровными рядами зефирок.

Глава 14. Маленькая лазутчица

“Это не угроза, а обещание”.

“Мелли, я обидел тебя?”

“Прости, пенне — не моя сильная сторона. Если не ответишь, то вернусь в Айронвуд, приду и спою лично. И вот это уже угроза”.

И ниже голосовое. Включаю подрагивающими пальцами.

Мы были чужими вчера.

И пусть завтра мы станем чужими.

Этой ночью твои слова – мой единственный повод дышать.

И чтобы еще хоть раз ты взглянула в мои глаза,

На колени поставлю весь мир.

И сам опущусь первым.

Чуть хрипловатый голос фальшиво выводил слова неизвестной мне песни. Я несмело улыбнулась, и в груди шипучкой взорвалось что-то маленькое и искрящееся. Что-то похожее на...надежду? Я лишь из романтических комедий и рассказов Дебби знала, что парни могут написать краской из баллончика на тротуаре твое имя, могут ночью установить под окнами проектор и вывести на стену соседнего гаража видеоролик с признанием в любви, могут набить тату на запястье со строчкой из “вашей” песни, могут... Многое мо-

гут, если девушка для них по-настоящему важна.

Для меня такого не делал никто и никогда.

До сегодняшнего утра.

Я проснулась разбитая и желающая только одного — исчезнуть хотя бы на день из этого мира, где нет места для самого близкого и родного мне человека. Болело не так сильно, как год назад. И не так, как полгода. Я уже не рыдала каждый вечер, расцарапывая грудь до крови. Не сидела на кладбище с утра до ночи. И даже в городе родном больше не жила. Но временами ощущение потери накатывало с новой силой. И тогда ночь превращалась в бесконечную череду кошмаров, где мама раз за разом закрывает глаза, чтобы уже не открыть. Даже рассвет не радовал меня, как прежде... Как и кофейный запах с соседней лоджии.

Хью своей песней...спас мой день?

— Ладно, Хью. Я тебя простила.

И, разблокировав экран, принялась стучать по клавиатуре пальцами,

Мэл: Хьюстон, у нас проблема.

Мэл: Ты ужасно поешь.

Мэл: Привези мне из Уиллстоуна беруши.

Крепко зажмурившись, чтобы унять бешено стучащее сердце, наконец-то отложила телефон и уставилась на зефирки. Надо их во что-то упаковать...

Небольшой крафтовый пакет нашелся на дальней полке в шкафчике со слезой луноцвета и микрозеленью. Я сняла

пленку с проросших семян джусая, рукколы и гороха, опрыскала зеленые росточки водой и снова убрала их в темноту на пару дней. Уже совсем скоро можно будет выставлять их на свет.

Зефирки одна за одной очутились в пакетике. Я перевязала его зеленой лентой, написала сверху корявыми буквами “Для сладкой жизни” и задумалась. Отплатить Джонатану той же монетой и подкинуть кофейные сладкие зернышки анонимно? Не хотелось бы ни смущать его, ни смущаться самой.

Представила вдруг, как будет неловко, если окажется, что кофе все-таки прислал не он... Нет, он точно не должен узнать, от кого зефир. А может...

Рука сама собой потянулась к смартфону. Взгляд нашел фиолетовый значок Пульса, пальцы — кликнули по аватарке голубоглазого обаятельного придурка с высунутым набок языком.

Мэл: Хью, это от тебя мне вчера курьер принес кофе?

Написала, отправила и сама испугалась столь прямолинейного вопроса.

Ответ пришел мгновенно, будто Хью держал в руке смартфон в ожидании моего сообщения.

Хью: Мелли, меня меньше суток нет в городе. Мне уже стоит беспокоиться?

Хью: Я думал, ты больше любишь чай.

Хью: Привезу тебе упаковку арабики. Только перестань

принимать подарки от незнакомцев. А вдруг отравлено?

Я ничего не стала отвечать, лишь фыркнула. Раз это был не Хью, то и думать нечего: пытаемся незаметно подкинуть ответный подарок, а потом делаем вид, что ни при чем.

Я вышла на лоджию, захватив пакет с зефирками, и долго смотрела на окна Джонатана, прикидывая, смогу ли я докинуть пакетик так, чтобы он упал ровно на лоджию, а зефирки при этом не разломались. По всему выходило, что нет.

Подошла поближе к ограждению, перевалилась через него, пытаясь руками дотянуться до чужих перил.

Какой-то наглый голубь, пролетающий мимо, издевательски курлыкнул.

— Тоже мне, птичка певчая... А мог бы и помочь, между прочим.

Я села на табурет, оценивая зрительно расстояние между нашими балконами. Спустя десять минут признала, что затея это бестолковая и провальная. Я могла бы на глаз определить количество сахара, необходимого для бисквита, по величине пузырьков — температуру сиропа... Но отличить ярд от нескольких десятков ярдов — увы.

Гениальные мысли приходят внезапно.

Моя пришла, когда Дебби скинула фотку с побережья. Она в красивом голубом бикини, Рик (или уже не Рик?) со своими кубиками и сап за их спинами. Сап и весло к нему.

Я, осененная идеей, быстро метнулась к небольшой кла-

довке в прихожей. Достала швабру. И, внимательно ее оглядев на предмет скопившейся на древке пыли, вернулась на подоконник.

Смартфон, оставленный в квартире, бесконечно пиликал, принимая все новые и новые фотографии. Но я, отмахнувшись от надоедливого дребезжания, пробовала дотянуться шваброй до соседней лоджии.

Получилось!

Я так обрадовалась, что чуть не уронила швабру вниз.

— Так, Мэл, успокойся... Успокойся и действуй аккуратно-нее.

Убедившись, что под окнами никого нет, надела ручку пакетика с зефиром на черенок швабры... Подняла. Перекинула через пустоту, разделяющую наши лоджии...

И черенок бережно опустился на перила Джонатана.

Я закусила нервно губу.

Черенок совсем немного не дотягивался до журнального столика, что стоял в углу. А подойти ближе я не могла — рисковала поломать молодые веточки помидорок, что росли прямо с той стороны перил.

Утерев пот со лба, застыла. Полуденное солнце безжалостно пекло макушку, превращая мысли в кисель. Помидорки недовольно скукожились, открывая мне пространство.

Один легкий толчок — и вот крафтовый пакетик, зава-

лившись на бок, лег на соседский столик.

— Йу-ху!

Швабра, не выдержав моих диких плясок, все-таки упала вниз.

Глава 15. Пушистая артиллерия

Его я увидела, когда залезла в кусты, растущие под окнами, чтобы достать многострадальную швабру. Испуганные большие глаза, слипшаяся дымчатая шерсть, тихий мявк.

— Маленький... или ты девочка?

Протянула руки, пытаясь достать дрожащий комочек. Мелкий зашипел, выгнув спину. Боится.

— Я не сделаю тебе больно. Иди ко мне...

Но котенок только отползает все дальше, жалобно помяв-кивая. И я на время отступаю.

Швабру прячу в подъезде под лестницу в надежде, что ее никто не утащит. Вроде не должны: дом новый, район при-личный. Здесь одна коммуналка стоит как месячный платеж за комнату в общежитии моего родного города. До сих пор не понимаю, как решилась ее снять.

Зоомагазин находится буквально за углом, и я спешу туда, оглядываясь на велосипедах. Легкий летний ветерок бросает пряди в лицо, поднимает подол сарафана, пытается сорвать с головы косынку, которую я забыла снять перед выходом из квартиры. Собиралась просто вернуть швабру в отчий дом, кто же знал, что рядом с ней обнаружится маленькое перепуганное чудо. И взять его к себе не могу... Если хозяйка квартиры узнает — я стану бездомной. Вот только

мое тельце под кустом гортензии не спрячешь.

Полки магазина в кошачьем отделе ломаются от мисочек, поводков, игрушек, самого разного корма, переносок, когтеточек... Мои глаза испуганным взглядом бегают от одной полки к другой, не зная, на чем наконец-то остановиться.

— Девушка, вам помочь?

Приятный баритон дарит неожиданное спокойствие. Оборачиваюсь... И застываю.

На меня смотрит Алекс. Тот самый, которого меня просили приворожить. Тот самый, из-за которого я прокляла тот день, когда решила дать объявление в газету. Неожиданная встреча...

— Что ищете? Я подскажу.

Он улыбается, и серо-голубые глаза, почти прозрачные под холодным светом потолочных ламп, улыбаются тоже. Я молчу, засмотревшись на белесые длинные ресницы, на растрепанные пепельные волосы, на шрам под левым глазом. Неудивительно, что Скайлер так в него вцепилась.

— Девушка?

— А? Что?

Наконец-то отвисаю. Краска стыда мощной волной заливает щеки. “Мэл, ты дурочка. Парней красивых, что ли, никогда не видела?”

— Вам помочь? — терпеливо переспрашивает он, не переставая улыбаться.

И я собираю мысли в кучу. Котенок. Меня ждет малень-

кий и голодный котенок.

— Мне нужно две мисочки: для воды и корма. Корзинку для сна. И корм.

— Какой корм: сухой, жидкий, желеобразный? Премиум класса, в среднем ценовом сегменте или что-то поэкономнее? Для взрослого кота или для котенка? Была стерилизация и кастрация или нет?

Он говорит так быстро, что я не успеваю вставить ни слова. Теряюсь от обилия слов и думаю о том, что просто хотела накормить котенка. Кто же знал, что для этого надо столько всего знать?

— Я не знаю. На улице нашла котенка. Маленького. Что такие едят?

Он задумчиво обхватывает пальцами свой подбородок, прищуривает глаза, внимательно осматривая полку за полкой.

— Вот, — говорит, доставая какие-то коробочки и пакетики, — паштет и влажный корм на первое время. Обязательно сходите к ветеринару, он осмотрит малыша, прививки все нужные поставит, питание и витамины тоже пропишет.

Я набираю полные руки крайне важных вещей: от корма до питьевого фонтанчика.

— Там мальчик или девочка? — спрашивает Алекс, пробивая товары на кассе. И я удивляюсь, насколько теплым мо-

жет казаться взгляд этих прозрачно-ледяных глаз.

— Не знаю...

Мой голос снова звучит растерянно. Не то чтобы мне приходилось каждый день задира́ть котам хвосты.

— Кто бы там ни был, надеюсь, он попадет в добрые руки. Держите, пожалуйста.

Алекс протягивает мне покупки, и я благодарно улыбаюсь.

— Спасибо. Думаю, какое-то время буду у вас частым гостем.

— Приходите, мы всегда рады людям с добрым сердцем.

На последних словах он касается ладонью груди. Я смотрю на бледные пальцы на мятного цвета форменной футболке, вспоминаю, как отказывала Скайлер, и... Чувствую облегчение и гордость за то, что сумела сделать правильный выбор там, где и выбора-то не стояло. Нельзя ломать людей. Нельзя такие сердца, что умеют любить, превращать в кукольный марионеточный камень. Никакие нельзя.

Кивнув на прощание, выхожу из магазина и спешу к кустам гортензии под моими окнами. Легкий медовый аромат почти незаметно проникает под кожу, пропитывая ее запахами лета и какого-то природного уюта. Я ныряю в пространство между стеной дома и кустами. Котенок все еще там. Ставлю корзину с одеялком, устанавливаю фонтанчик и выливаю в него воды, рядом, в пластиковую мисочку, сливочный мусс со вкусом телятины. Пахнет он отвратительно, но

котенок настороженно принюхивается и делает шаг вперед. К запаху мусса и гортензий примешивается запах влажной шерсти. И я еле сдерживаюсь, чтобы не чихнуть.

— Кушай, маленький, кушай.

Лизнув пару раз из миски, он поворачивается ко мне спиной, гордо задирает хвост и чинно уходит назад в кусты. Все-таки девочка.

— Ами. Я буду звать тебя Ами.

Глава 16. Шпион и помидоры

Алый закат приносит через открытые окна кофейный запах. И я, уже собравшаяся выйти на лоджию, чтобы подкормить помидорки, делаю шаг назад, отступая вглубь квартиры.

Желание увидеть реакцию Джонатана борется со стеснением: никогда не любила быть в центре внимания.

Хожу кругами по кухне, закусываю губу от нервного возбуждения. Пятнадцать шагов для того, чтобы вернуться в начало круга. Раз — два — три... Тени на стене отплясывают причудливый танец. Четыре — пять — шесть. Базилик благоухает на всю кухню, перебивая даже терпкий запах кофе. Семь — восемь — девять. Обхожу табурет, зацепившись за него подолом платья. Затяжка. Кончики пальцев оглаживают ткань, пока ноги продолжают движение. Десять — одиннадцать — двенадцать. Поварешка падает с крючка, оглашая кухню металлическим звоном. Застываю на месте, будто Джонатан может услышать этот звук и... Что сделать? Постучать в стену? Тринадцать — четырнадцать — пятнадцать. Круг завершен.

Наконец, устав от бессмысленных телодвижений, на цыпочках крадусь к двери в лоджию. Слегка отодвигаю штору указательным пальцем, прикладываюсь глазом к щелочке между шторой и дверным косяком. Ничего не видно. Совсем

ничего.

Базилик тянется ко мне листочками, пуская по квартире одуряющий аромат.

— Да знаю я! — громко шикаю на него и, спохватившись, зажимаю ладонью себе рот. Прислушиваюсь к звукам за порогом лоджии. Тихо.

Рискнув, опускаюсь на четвереньки и аккуратно переползаю порог. Разбитые после падения со скейта колени начинают ныть от тесного общения с полом, на платье появляется еще одна затяжка, и я закатываю глаза. Шторина над головой пытается выдать мое присутствие, но я не позволяю ей этого. Так просто меня не раскроют. И не потому что Мелисса Уитмор великолепная шпионка: мне просто не хочется съезжать из этой квартиры. А придется, если хоть кто-то узнает, как бывшая отличница ползает по полу собственной лоджии, чтобы подглядывать за соседом.

Стараясь не дышать, переставляю колени все ближе и ближе к краю перил, откуда будет лучше видно происходящее. И мне кажется, что помидорки недовольно фыркают, не увидев в моих руках удобрений. Ветер прохладными потоками касается ключиц, запуская по плечам мурашки. Интересно, а Джонатан хоть иногда снимает с себя эту белоснежную рубашку и черные брюки с тщательно выглаженными стрелками? Ни разу не видела его в нормальной одежде: всегда выглядит так, словно ему пять минут до алтаря.

Помидорки неохотно, но раздвигают стебли. Пусто.

Не сдержав облегченного выдоха, встаю с колен. Пакетика с зефирками на столе нет
— Да!

Вскрикиваю и тут же шарахаюсь в сторону, сбегая назад в уют и тишину родных комнат. Туда, где больше не нужно стесняться.

Наскоро натянув на плечи старый вязаный кардиган, прижимаю рукава к лицу, жадно втягивая воздух. Легкий аромат ладана и чайных роз заставляет слезиться глаза. Тоска по прошлому, где я никогда не была одинока, обрушивается на меня сносящим с ног потоком. Дыхание перехватывает, и цепкие ледяные пальцы сжимают маленькое сердечко, что все трепыхается. Руки обхватывают тело в утешающей объятии. Но разве человек может утешить сам себя? И мне уже кажется, что я захлебнусь в этой тоске, в этом немом крике...

Когда внезапно раздавшаяся мелодия разбивает звенящую заиндевелую тишину на тысячи осколков.

— Да?

Не глядя, подношу смартфон к уху. Пальцы дрожат, по спине стекает липкий холодный пот. Потрескавшиеся губы жадно хватают воздух, словно я рыба, выброшенная на берег.

— Мелли? Ты в порядке? Звучишь как старый сломанный пылесос.

Хрипловатый насмешливый голос с тревожными нотками гонит по телу согревающую волну. И сердце перестает разрывать аорту.

— Без понятия, как звучит пылесос. Ведьмы предпочитают метлы. Неужели не знал?

Старательно растягиваю губы в улыбке, но сама себе не верю. Ловлю пальцами колечко на шее, крепко сжимаю, чувствуя, как металл вонзается в кожу, оставляя после себя следы — единственное напоминание, что я реальна, а боль — нет.

— Ты уже соскучилась по мне? — его голос становится ленивым и мурлыкающим, как у большого и наглого кота.

Точно, котенок! Я же шла покормить Ами!

— Мистер неудавшийся соблазнитель, ты зачем мне звонишь так поздно?

Пока говорю это, руки сами собой наливают в бутылку чистой воды, берут с полочки новый пакетик с кормом, завязывают шнурки на кедах.

— Чтобы забронировать место в твоем сне. А то только я из города, так там всякие тебя кофе угощают! Мелли-Мелли, никакого постоянства! А как же наша любовь?

— Наша любовь растворилась, как дым, серым холодным утром, — пропеваю я строчки из современной популярной песенки. И только после понимаю: я ему спела. Я, которая всегда стеснялась своего голоса. Накатывает запоздалое смущение и какой-то неловкий стыд. Словно меня поймали за

руку, пока я пыталась стащить у бабушки банку малинового варенья. Щеки наливаются румянцем и горят. И даже промозглый вечерний воздух не может их охладить.

— Мэм, — голос Хью становится тише, ниже и интимнее, — нашей любви никакое утро преградой не станет. Поверь. Споешь мне однажды на рассвете? И клянусь, с таким пожеланием доброго утра встану не только я, но и все миллиарды моих мурашек.

Я спотыкаюсь у кустов гортензий. И, кажется, у меня краснеют даже пятки.

— Хьюстон! Открой дверь, Лекса пришла! Глухой, что ли? — слышу я доносящийся из трубки женский голос.

Замираю. Не хочется подслушивать, но что делать, если выбора мне не оставили?

— Прости, Мелли, мама зовет, — тихий ласковый смешок и не менее ласковое: — Запомни, ведьмочка, у меня бронь на весь твой сон.

И звук гудков.

Пип-пип-пип.

Отключился.

Хмыкнув, убрала смартфон в широкий карман кардигана и опустилась на корточки у стены дома. Ами лежала в корзине, настороженно уставившись на меня своими большими блестящими глазищами. Миска была пуста и тщательно, до блеска вылизана. Я заменила в питьевом фонтанчике воду, вылив оставшуюся из него на землю под кусты. Выложила в

мисочку корм — паштет из индейки. Пахнет тоже гадостно, как и прошлый мусс, но Ами вострепелась, встопорщила ушки, задвигала усами...

— Ешь давай, принцесса. А я мешать не буду. Утром опять приду к тебе.

И, постучав напоследок пальцами по бетону рядом с миской, отступила.

В квартиру влетела заполошно, закрыла дверь входную, захлопнула дверь на лоджию, задернула все занавески и шторы.

Если мне не показалось — Джонатан был на лоджии и, пока я подкармливала Ами, пристально смотрел на меня.

Глава 17. Шоколад с фисташками

Утром я снова пропустила привычное рассветное чаепитие на лоджии. Как обычно, закуталась в махровый халат, налила большую кружку чая — сегодня это был молочный улун с сушеными кусочками персика. Сливочно-карамельный мягкий аромат приятно щекотал ноздри, исподволь растекался по квартире, чтобы осесть в ее уголках, затаиться там, остаться памятью об этом утре и тогда, когда я сама забуду, как глупо вела себя.

Хью: Мелли, я снился тебе сегодня? Скажи, что да. Уверен, ты жалеешь, что наступило утро.

Опустила кружку на подоконник, еле втиснув ее между цветочными горшками. Интересно, Хьюстон Леджер хоть когда-нибудь бывает серьезным?

Мэл: Жалею, что рядом нет тебя. Никто не согреет...

Мэл: Воду мне на чай.

Хью: Так тебе нужен я... или чайник?

Хитрый подмигивающий смайлик в конце сообщения заставляет рассмеяться в голос.

Мэл: Чайник. Хотя и ты сгодишься, когда не свистишь.

Прежде чем выйти из подъезда, приоткрываю дверь и выглядываю во двор, сощурив один глаз. Кажусь себе снайпером, выискивающим жертву. Только винтовки не хватает. Или хотя бы театрального бинокля. Помню, у мамы был та-

кой. Интересно, как много через него можно увидеть?

Я вижу главное: двор пуст, серьезный взрослый сосед не поджидает меня у кустов, лишь дымчато-серый хвост мелькает между гортензий.

Ами, громко мякнув, снова поворачивается ко мне задом и гордо усаживается рядом с полными мисками еды. Воду в питьевом фонтанчике тоже кто-то уже поменял.

— Ну что, милая? Все еще не хочешь ко мне?

Тихое шипение, вздыбленная шерсть, выгнутая спина. Внутри неприятно колет, а губы подрагивают в неумело натянутой улыбке.

— И чем же я так тебе не нравлюсь? Я же стараюсь заботиться о тебе.

— Я заберу ее, если позволите.

Тихие голос со спины раздается так неожиданно, что я замираю, словно ледяная статуя. Как можно было настолько начать себя жалеть, чтобы не услышать чужих шагов?

— Мелисса, можно?

Услышав имя, резко оборачиваюсь, утыкаясь взглядом в ямочку между ключицами. Белоснежный отглаженный воротничок строгой рубашки. Острый кадык, застывший в каком-то напряжении. Я смотрю на него в ожидании хоть какого-то движения. Вот сейчас Джонатан нервно сглотнет... Но ничего не происходит. Тонкие губы слегка приподняты в улыбке, карие глаза с зелеными крапинками терпеливо следят за тем, как я поднимаю взгляд следом за головой.

— Вы... — язык заплетается во рту, когда я пытаюсь произнести хоть слово. — Вы хотите забрать Ами? К себе?

Спрашиваю, и представляю, как котенку будет тоскливо в его квартире, где, наверняка, даже пыль летает по воздуху в строго заданном порядке. Он же все время работает. Даже утренний кофе — не повод полюбоваться рассветом, а время для чтения бесконечных бумажек.

— Котенку не место на улице. Вам так не кажется?

Спокойный голос, уверенно произносящий слово за словом, заставляет выпрямить спину. Понимаю, что он прав. Я все равно взять ее к себе не смогу. Не оставлять же здесь? Дом, пусть и такой правильный и лаконичный, лучше холодного ночами бетона, жалящих пчел и ожидания подачи от прохожих. А может, Джо даже когтеточку ей купит.

— Но... Но она не захочет, — произношу неуверенно, вытягивая руку в сторону котенка. — Я пыталась взять ее на руки, но Ами шипит только и царапается.

Уголки его губ приподнимаются, взгляд становится теплым-теплым, как подтаявший на солнце шоколад с фисташками. Руки с тонкими запястьями и длинными музыкальными пальцами ложатся мне на плечи и мягко, но решительно отодвигают в сторону. Он приседает на корточки и протягивает вперед ладони.

— Ами, девочка, — голос его опускается на несколько тонов, погружая и котенка, и меня в какой-то гипнотический транс. И мне даже не надо смотреть в его глаза, чтобы ощу-

тить, как время замедлилось, превращаясь в густой кисель.
— Пойдешь ко мне?

Смотрю, как он медленно пододвигается ближе. Черные ботинки блестят на солнце отполированными носками. Рыжие волосы на макушке уложены один к одному. И даже часы на запястье кричат о статусе. Оттого еще более умирительно наблюдать за тем, как этот взрослый мужчина ползает по бетону, пачкая свои черные брюки, ради маленького вредного котенка.

— Давай, девочка. Тебе понравится.

И маленький темный носик вдруг несмело утыкается в его ладонь.

— Но... Почему?

Ами, игнорируя мой голос, карабкается по Джонатану, оставляя на рубашке затяжку за затяжкой. Сворачивается клубочком на правом плече и закрывает глаза, начиная тархтеть как миниатюрный трактор.

— Мне можно доверять.

Он смотрит на меня прямо, не опуская взгляда. И только я перестаю думать о том, куда делся тот робкий сосед, что просил меня вернуть улетевший документ, как он застенчиво улыбается. И ямочки на щеках превращают взрослого мужчину в молодого красивого парня.

— Мне можно доверять, — повторяет он, — и животные это чувствуют.

— А вам можно ее взять к себе? Никто против не будет?

— Если только робот-пылесос. Но думаю, Ами его приструнит.

Ами словно понимает, что говорят о ней: поднимает голову, смотрит на меня пристально и с каким-то превосходством, а потом снова укладывается на плечо, потеревшись о шею Джонатана головой. Маленькая вредная зараза.

— Не поможете занести ее добро в квартиру? — он чешет Ами за ушком и кивает на корзинку с одеялком, питьевой фонтанчик, которые я вчера так долго выбирала. — Мне кажется, она уже привыкла к этим вещам. И так ей будет спокойнее в незнакомом месте.

— Да... Конечно.

Растерянно складываю в корзину фонтанчик и миску. Не думала вчера, когда упражнялась со шваброй, что уже сегодня окажусь у Джонатана дома.

Не успеваю сделать и пары шагов, как он мягко перехватывает корзинку из моих рук. Его пальцы скользят по моим, едва касаясь, но оставляя за собой мимолетное тепло и тишину, нарушаемую лишь тархтением Ами. Хочется спросить, в чем заключается моя помощь, если он лишил меня единственного повода для нее, но молчу. Слишком уж хочется хотя бы одним глазком заглянуть в его квартиру.

Перед дверью он останавливается, доставая ключ. Ами недовольно ерзает на его плече, а я рассматриваю его рубаш-

ку, что уже не выглядит такой безупречной.

— Ну, девочка, проходи.

Ами просачивается в квартиру, пока я мнусь на пороге. Джонатан оборачивается.

— Заходите, Мелисса. У меня сегодня к кофе очень вкусные зефирки.

Глава 18. Неслучившееся прикосновение

Лаконичная черная кухня блестит полированными поверхностями и хромированным металлом кухонного смесителя и мойки. И даже ручки духовки кажутся только-только принесенными из магазина бытовой техники. Джонатан в классических брюках и белой рубашке выглядит здесь крайне уместно, словно он — часть этого пространства.

А я — нет.

Стою посреди кухни и чувствую себя лишней. Шея взмокла под распущенными волосами, и я ощущаю, как холодная капелька пота скользит по разгоряченной спине. Взгляд бегаёт по поверхностям, не видя ничего, за что можно было бы зацепиться: чистота, порядок... идеальная пустота. Ему самому-то уютно жить в таком стерильном месте?

— Чай, кофе? — спрашивает тихо.

— Чай, пожалуйста.

Он поворачивается ко мне спиной, чтобы поставить чайник, и я отвожу взгляд. Ами медленно обходит комнату по кругу, приносясь к каждому углу. Трогает лапкой стены, трется спинкой о высокие барные стулья у кухонного островка, останавливается рядом с Джо и кладет голову ему на

ногу поверх белого носка.

— А ей здесь, кажется, нравится.

— Она просто чувствует, что в этом доме еще нет хозяйки, а значит, можно занять это место.

Я вспыхиваю от секундного замешательства и невольного стыда. Кажется, будто подслушала то ли чужие мысли, то ли личный разговор, который слышать была не должна.

— У меня только пакетированный, это ничего?

Незаметно выдохнув, натягиваю на губы улыбку, пока пальцы машинально теребят колечко на груди.

— Нет, все нормально. Спасибо.

— Я просто дома чаще кофе пью.

Слышу будто извиняющиеся интонации и поднимаю голову. Джонатан, поймав мой взгляд, кивает на большую кофемашину, что стоит в специально оборудованном углу рядом с кофейными чашками, сиропами и упаковками разномастного кофе.

— Редко дома бываю.

— А я наоборот — на улицу редко выхожу.

Он улыбается, пристально глядя на меня перед тем, как опустить ресницы. Ловлю их дребезжащее дрожание, и кончики пальцев покалывает от какой-то неожиданной смеси узнавания и неловкости. Тишина между нами густеет, и воздух застревает на вдохе.

Щелчок закипевшего чайника разбивает эту напряженную атмосферу, и я судорожно вдыхаю, наполняя легкие лет-

ней свежестью и нотками бергамота, какими пахнет от паке-тика с чаем.

Длинные пальцы, обхватывающие ручку полного до краев чайника, застывают передо мной. Напряженные, слегка побелевшие. Стараюсь не смотреть на Джонатана, оказавшегося так близко. Неловко. Вместо этого разглядываю его пальцы: ровно подстриженные ногти, аккуратные белые лунки у основания, гладкая кожа человека, не привыкшего к физическому труду... И мне вдруг становится стыдно за свои — шершавые, покрытые мелкими шрамиками ожогов, с въевшимися под ногти следами какао и сока ягод, которые не берет ни одно мыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.